

А
р
о
н
Г
и
р
ш

Туманы
янтарного
берега

Арон Гирш

Туманы янтарного берега

«Автор»

2017

Гирш А.

Туманы янтарного берега / А. Гирш — «Автор», 2017

Скрываясь от своего ещё недавнего прошлого, Лев прибывает на окраину Калининградской области, где намеревается скоротать несколько месяцев, пока решаются его жизненно-важные вопросы на малой родине. Однако, вопреки ожиданиям, молодой человек оказывается вовлечённым в цепочку необъяснимых событий, которые сводят вместе судьбы его и самых необычных жителей Янтарного берега.

© Гирш А., 2017

© Автор, 2017

Пролог

Сверившись с собственными часами, Лев пришёл к выводу, что его китайская реплика знаменитых «Berlinget» наконец стала проявлять свои качества дешёвой подделки. Имитация точного, искусно исполненного механизма на самом деле являлась всего лишь маскировкой, часы работали на электронном чипе, поскольку такое производство было более простым и дешёвым.

Обычно Лев застёгивал на своём запястье браслет этих часов лишь в тех случаях, когда возникала необходимость в соответствующем антураже. Разумеется, реплика на руке Льва имитировала далеко не дорогую модель известной марки, но мужчина хорошо усвоил, что реалистичность основывается на твёрдой связи с наглядной достоверностью.

Главной функцией часов на запястье, в эпоху повсеместного засилья многофункциональных мобильных гаджетов, оставалась демонстрация чувства пунктуальности. Когда Лев периодически, примерно раз в восемь минут, демонстративно вскидывал руку, одновременно отодвигая край манжета пиджака, чтобы обнажить циферблат часов, это создавало впечатление «делового подхода» и овладения искусством тайм-менеджмента.

Теперь, после того как Лев столкнулся с вполне объективной необходимостью сжигать позади себя все те хлипкие мосты, которые он старательно наводил в течение последних двух лет в Екатеринбурге, он был вынужден коренным образом изменить свой стиль в одежде, будучи неспособным позволить себе вальяжные прогулки в деловых костюмах, он предпочитал неприметность. Часы, как ни странно, ни в какую не хотели покидать руки, словно впившись в плоть, опасаясь судьбы быть выменянными на какую-нибудь смешную сумму у забулдыг, ошивающихся вокруг баров с игровыми автоматами.

Когда Льву стало понятно, что оставаться в городе было уже не безопасно, при невозможности обратиться за помощью к «системе», мужчина попытался как можно быстрее обратить своё нажитое в более ликвидную материю. И хотя выручать за вполне сносное имущество получалось не так много, иного выбора у него попросту не было. Больней всего, оказалось, продавать свой автомобиль с неприличным дисконтом.

Радуясь, что шесть месяцами ранее он так и не купил себе квартиру в «городе пяти вокзалов», Лев недолго думал, когда выбирал пункт своего назначения. Ему хотелось оказаться как можно дальше от Екатеринбурга, но в планы вовсе не входило покидать территорию страны. Подобные меры Лев оставлял на самый крайний случай, пока что, так казалось мужчине, было просто достаточно на время исчезнуть не только из города, но и из региона.

Лев выбрал, пожалуй, самую западную точку на карте, в той её части, которая отражала территории, находящиеся под российской юрисдикцией.

Местом назначения стал посёлок городского типа, Янтарный, что на побережье Балтийского моря, муниципальное образование в составе Калининградской области.

Населения здесь проживало едва больше пяти тысяч человек, при том, что город пользовался вполне приличной инфраструктурой. Проблемой же была транспортная доступность, поскольку начавшаяся уже в далёком две тысячи восьмом году строительство автомагистрали, которая должна была иметь ответвление до Янтарного, было уже длительное время «заморожено». Разумеется, посёлок не стал изолированным, ведь имелся ещё участок Калининградской железной дороги. Непродолжительный отрезок железной дороги соединялся с целевой железнодорожной линией, которая аж с двухтысячного года практически не использовалась. И хотя было ещё какое-никакое автобусное сообщение, однако Лев, уже находясь в аэропорту «Храброво», пришёл вдруг к выводу, что именно поездом он не путешествовал уже очень много лет. Перспектива столкнуться со всеми вытекающими из этого неудобствами ни сколько не смутила его. К собственному везению, ожидать ближайшего рейса до Янтарного пришлось не

так уж долго, а времени в пути по железной дороге требовалось не так уж и много. Посчитав такое положение дел весьма привлекательным, Лев купил билет в плацкартный вагон, и спустя четыре с лишним часа он уже садился в поезд.

Оказавшись в вагоне и без лишних проблем отыскав своё место, он попытался было ощутить ту комбинацию запахов, звуков и общей атмосферы, которая в его подсознании была связана с пассажирским вагоном. К собственному сожалению, мужчина очень быстро обнаружил, что недавние события имели куда более сильную эмоциональную окраску, что практически полностью вытеснило впечатления от поездки в поезде.

Позволив себе очень непродолжительный сон, Лев пришёл в себя, ощущая, как ему в лицо стало светить яркое солнце. Из-за того неудобства он устроился на полке таким образом, что его ноги упёрлись в стену, а лицо практически вплотную прижалось к стеклу. В какой-то момент солнце заняло на небе такую позицию, с которой его лучи стали буквально бить своим светом путешественнику в лицо.

Раскрыв глаза и проморгавшись, Лев ощутил, как сильно ему захотелось чихнуть, однако вокруг него другие пассажиры вели себя на удивление тихо. Не желая нарушать эту редкую идиллию, он смог подавить в себе позыв к кашлю.

Судя по его часам, до прибытия оставалось не меньше сорока минут, следовало привести своё спальное место в порядок.

Лев совершил поход в туалет вагона, чтобы воспользоваться зеркалом, и убедиться, что его внешний вид не сильно вышел за рамки приличия после суток отсутствия возможности нормального ухода за собой.

В отражении на Льва смотрел молодой человек, приблизительно тридцати лет. Тёмные волосы были не так давно подстрижены, и поэтому с ними не было никаких проблем. Однако на подбородке мужчины уже проступила заметная, чёрная щетина. Зелёные, некогда блестящие глаза, теперь казались уставшими, во многом это объяснялось не физической усталостью, а скорее недавними переживаниями.

Убедившись, что за дверью туалетной комнаты ещё не собралась очередь из пассажиров вагона, Лев вернулся к зеркалу. Слегка облегающая туника была за несколько неосторожных движений снята, на левом плече мужчины была повязка, через ткань которой немного проступила кровь. Так как следы крови были уже сильно высохшие, тревожить повязку Лев не стал. Отведя правую руку немного в сторону, мужчина чуть повернулся правым боком к зеркалу, что позволило ему увидеть начавшие приобретать тёмно-зеленоватый оттенок гематомы на рёбрах.

Оценив состояние своих телесных дефектов, Лев поспешил одеть тунику, после того как кто-то предпринял попытку отворить дверь с обратной стороны.

Воспользовавшись умывальником, Лев поспешил освободить помещение. Оказавшись на своём месте, мужчина вновь сверился со своими часами. По идее, с минуты на минуту поезд должен был уже остановиться на железнодорожной станции в Янтарном, но судя по виду из окна, до места назначения было ещё не так близко.

Однако то, с какой частотой проводница стала перемещаться по вагону, становилось понятно, что что-то должно было случиться, и судя по своему опыту детства, Лев приходил к выводу, что вскоре должно было быть объявлено о прибытии.

Проводница ещё несколько раз прошла по вагону, прежде чем сделала заявления о прибытии в течение следующих десяти минут. Лев, услышав это заявление, вновь сверился со своими часами. Выходило так, что его часы спешили больше чем на пятнадцать минут. Уверенности ради, он остановил проводницу и поинтересовался относительно времени, за что был награждён пристальным, подозрительным взглядом, как если бы задал захваченной рутинной женщине «загадку Свинкса Египетского»

Впрочем, удивление во взгляде женщины очень быстро сменилось осуждением. Было ясно, что проводница подумала, будто Лев страдал сильным похмельем после тяжкой попойки.

Такие ситуации были самыми распространёнными причинами утренней растерянности российских пассажиров в поездах, поэтому осуждать проводницу Лев не стал. Он лишь ещё раз прошёлся рукой по своему подбородку, ощущая непривычную колкость щетины и понимая, что его внешний вид теперь способствовал тому, как его могли воспринимать окружающие.

В действительности, часы мужчины спешили на шестнадцать минут, и он уже собирался в очередной раз подвести их. Однако, вспомнив, что эту не хитрую процедуру он уже проделывал несколько раз за последние дни, Лев пришёл к выводу, что каждая такая «модерация» лишь усугубляет точность работы хронометра.

Вокзал, куда прибыл поезд, оказался на удивление интересным местом. Оказавшись на пироне, Лев отметил, что яркое солнце, лучи которого буквально заливали пространство, создавая в отдельных местах причудливые тени, на самом деле не сильно грело. Тем не менее, для начала октября, когда в Екатеринбурге уже нормой является снег и гололёд по утрам, здесь было очень тепло. Это обстоятельство лишний раз напомнило мужчине о неизбежной необходимости в акклиматизации. Радовало то, что прибытие в Янтарное не было простой прихотью, а так как все обстоятельства сложились таким образом, то и предстоящие неудобства воспринимались как нечто само собой разумеющееся.

Огромное количество преимуществ, которое также способствовало выбору места своего пребывания, начало проявляться уже при выходе с вокзала. Народу здесь практически не было, это ни в какое сравнение не шло с вокзалом Екатеринбурга, с его вечными толпами, непроходимой, наглухо забитой парковкой и шумной автодорогой по улице, прилегающей к самому вокзалу.

Здесь же Лев почувствовал себя так, как если бы он совершил простую поездку на маршрутном такси. Все те люди, которые также вышли на этом вокзале, очень быстро разбрелись в самых разных направлениях. Кого-то встретили на автомобилях, кто-то уверенным шагом удалился в одном из ему известных направлений.

Лев нашёл скамейку, стоявшую вплотную к внешней стене здания вокзала, здесь же, из-за самой стены, образовывалась длинная тень, укрытие от янтарного солнца, которое, как казалось, вознамерилось буквально ослепить не привыкшего к такому жителю северного региона.

Лев вынул свой смартфон, вызвав электронную записную книжку, он быстро отыскал заметку с номером телефона человека, жителя посёлка Янтарное, с которым он договорился о найме жилого дома. Человека звали Ян, и он обещал встретить Льва по его прибытию. Лев, решая вопрос с наймом жилья, согласился на цену, несколько выше тех, что предлагались в посёлке. Хотя, предложений было совсем не много, но и спрос был ещё меньшим. Собственник был рад столь неожиданному нанимателю.

Оказалось, что Ян задерживался, но когда Лев позвонил ему, тот уже был в пути, по крайней мере так он сказал. Оказавшись на вокзале в совершенно незнакомом городе, Лев решил воспользоваться представившейся ему возможностью просто пройтись неподалёку от здания, осмотреться, и тем самым скрасить вынужденное ожидание.

Климат в Янтарном был совершенно особенным, зима, казалось, и не намеривалась объявляться на пороге этого края. Так как здесь проживало совсем не много людей, то и на улице не было спящих толп. Лев лишь периодически видел единичных прохожих, которые в гордом одиночестве шагали в одном только им известном направлении.

Рассматривая архитектуру Лев уже не в первый раз заметил, что несмотря на подавляющую массу убогих, однотипных строений, возведённых здесь уже советским режимом, в некоторых местах то и дело проклёвывались примечательные формы старинных зданий классического европейского стиля. Некоторые такие здания были отреставрированы, но это коснулось далеко не всех исторических конструкций. Большинство остроконечных крыш были

поплёкшими, облезлыми и запущенными. Казалось, будто на эти строения, несмотря на проявленную ими, завидную стойкость, всё-же распространилась «инфекция» от окружающих зданий поздней постройки. Наблюдая за этим явлением, Лев приходил к выводу, что напряжённость отношений между «посредственностью» и «примечательностью» существовала не только в социуме, между людьми. Культурные коллизии неминуемо сталкивались во всех проявлениях, включая жилищное строительство. Ещё незадолго до своего убытия из Екатеринбурга, Лев просматривал многочисленные фотоснимки современного Калининграда. Среди прочего, ему удалось найти работу какого-то исследователя по истории архитектуры восточной Европы. Отдельные главы многостраничной работы были посвящены феномену отражения идеологии в монументальных произведениях искусства. В качестве наглядного подтверждения приведённых доводов, исследователь прилагал длинную серию фотоснимков одних и тех же мест в Калининграде, в тот период, когда это ещё был величественный Кёнингсберг, и затем – периода советской оккупации. В результате, можно было воочию увидеть, как большинство выдающихся, с точки зрения архитектуры, объектов исчезли, уступив место «бетонным параллелепипедам» с безликими стенами, испещрёнными одинаковыми оконными отверстиями, и выкрашенные в одинаково-серый цвет

Лев, рассматривая проделанную кем-то работу, опираясь на предоставленный анализ, провёл собственную параллель. Он углядел недвусмысленные аналогии между индустриальной советской застройкой в Калининграде и тем, как распространяется опухолевый процесс. Скромные познания в «теоретической онкологии» позволяли мужчине прийти к ещё более осмысленному заключению. Безусловно, многие старинные города мира столкнулись с проблемой современной застройки и упадка исторических памятников архитектуры. Однако, если большинство городов Европы, сталкиваясь с подобной проблемой, осуществляли программы городского районирования, застраивая территории так, чтобы минимизировать эстетический ущерб культурному наследию, то в Советском союзе о подобных материях не заботились. Безусловно, массовое распространение однотипных жилых домов преследует свои, и «на поверхности» – социальные цели, однако при должном подходе, нарастающая застройка может быть обращена в «доброкачественную опухоль» Эта аналогия была связана с тем, что именно доброкачественная опухоль, даже при довольно высоком темпе своего роста, остаётся в собственной капсуле. По мере своего роста, такая инкапсулированная опухоль конечно смещает и сдавливает всё вокруг, причиняя свои неудобства, но не происходит самого худшего – уничтожения всего окружающего. Поэтому, при необходимости, такой очаг может быть легко удалён. В случае же с советским периодом Калининграда, да и многих других городов России, обладавших своим историческим наследием, здесь «опухолевый рост» протекал по злокачественному типу, когда отсутствует «капсула» – разграничительная линия, и всё новые формы растут пролиферативно, внедряясь в окружающее пространство, не считаясь ни с функциональными, ни с какими другими факторами. Постепенно, такая пролиферация буквально поглощает окружающие ткани, ассимилируя их, уподобляя себе. Последствия такого процесса куда страшнее, поскольку за неимением разграничительной линии, этот процесс не оставляет надежд на определение.

Сейчас Лев поймал себя на мысли, что ему всё-же удалось хоть на какое-то время забыть о недавнем событии, стоившем ему стольких переживаний.

Его посещала идея о том, чтобы сделать несколько фотографий домов, расположившихся невдалеке от того места, где он находился, но поняв, что его к этому подталкивали эмоции, мужчина отказался от затеи. Кроме того, впереди его ещё ждало более подробное знакомство с местной бытностью.

Наконец появился Ян. Мужчина приехал на стареньком, трёх-дверном “BMW”, который, тем не менее, выглядел очень не плохо, и бойко трогался с места.

После коротких обменов любезностями, мужчины уже сидели в салоне автомобиля. Ян несколько раз извинился за своё опоздание, а Лев позволил мужчине понять, что это обстоятельство его несколько не расстроило.

В дороге Ян то и дело задавал Льву вопросы, которые имели мало отношения к предстоящей сделке. Ян хоть и был рад внезапному нанимателю, но это не позволило ему пренебречь идеями осмотрительности. Сделку мужчина намеривался заверить нотариально, что лишний раз свидетельствовало о том, что Льву Ян доверял постольку поскольку.

Лев не был в особом восторге от предстоящей встречи с нотариусом, ведь процедура заверения требовала лишний раз передавать третьей стороне – нотариусу – личные сведения. Твёрдость нотариальной тайны, насколько знал Лев, являлась мифом из той же категории, что и «клятв Гиппократата» у выпускников медицинских университетов. Однако Ян не соглашался на сделку без заверения, и никакого иного выхода не предвиделось. Лев теперь надеялся, что нотариус ограничится его личными данными.

Спустя двадцать минут после того как Ян выехал с вокзала, мужчины были уже у дома.

Лев был несколько удивлён, когда обнаружил, что здание мало чем отличалось от того, что он видел на фотографии на сайте аренды жилья. Владелец дома не приукрашивал сведений относительно своего жилища. Дом действительно находился в шаговой доступности от морского берега. Лев с первого взгляда не сумел понять, был ли это пляж или просто дикий берег. Всё, что мужчина знал о морском побережье ограничивалось его воспоминаниями из детства, когда будучи десяти лет отроду ему всего единожды довелось побывать на Чёрном море с родителями.

Минуло много лет, и Лев мог себе признаться, что за это время он практически ни разу не возвращался своими воспоминаниями к тем далёким дням. Однако он очень хорошо помнил свой последний день на море со своими родителями, когда стоя на берегу дикого пляжа, буквально за восемь часов до отъезда, его мать передала ему в руку большую, увесистую монету в пятьдесят рублей, которые на тот момент совсем недавно вышли из оборота. Мать сказала сыну, чтобы тот бросил монету в набегавшую волну и в мыслях попросил вернуться к морскому берегу. Родители говорили сыну, будто такой вот ритуал помогал людям, живущим далеко от моря, в суровых условиях, обладать призрачной возможностью вернуться к морскому берегу. В качестве доказательства этой, нелепой на первый взгляд, теории, родители Льва утверждали, что все они ещё в ранней молодости проделывали нечто подобное, и как он мог видеть, им удавалось возвращаться к берегу снова и снова, хотя и при самых различных обстоятельствах.

Лев, которому тогда было только восемь лет, жутко уставший от длительного пребывания в казавшейся ему скучной и не приветливой деревне краснодарского края, бросил монету в набегавшую волну, но вопреки увещаниям родителей, он не просил о возвращении к берегам. Как и все дети, он наивно полагал, что истинной ценностью обладало только то, что имело место здесь и сейчас, а в тот конкретный момент он был сыт по горло жарой, насекомыми, солёной водой, волны которой то и дело приносили тысячи полуживых медуз. Самым ярким впечатлением, надолго поселившимся в памяти ребёнка стала сцена, которую ему пришлось наблюдать одним утром, на пляже, когда находясь на берегу, под лучами солнца, накаляющего прибрежную гальку, неизвестный мальчуган, возрастом не старше лет семи, появился на пляже. К нему уже все привыкли, потому как это был ребёнок «из местных». Они приходил на пляж каждый день, но никто никогда не видел его родителей. Местные работники пляжа, представители различных увеселительных услуг, знали, что в посёлке было очень много неблагополучных семей. Большинство жителей посёлка никогда не имели работы, юг всегда славился отсутствием необходимой для должной трудо-занятости инфраструктуры, однако жители «сводили концы с концами» ловко балансируя сразу на нескольких экономических составляющих своего края – туристах, мелкой торговле и сельском хозяйстве. Одно плавно перетекало в другое, и при должном подходе, можно было обеспечивать себе вполне приемлемую, по местным

меркам, жизнь. Однако были здесь и те, кто не имел склонностей к работе с землёй, и торговые отношения таких людей заключались в приобретении наркотиков и дешёвого алкоголя. Совокупность изнуряющей жары и «зелёного змея» делала своё дело, расплавляя то, что некогда должно было бы стать личностью. Такие люди часто умирали от передозировки или отравления, те, кому посчастливилось прожить достаточно долго, чтобы их возраст перевалил за сорок, часто умирали от инсультов.

Лев, ни на шаг не отставая от своих родителей во время очередного вечернего променада, имел возможность молча слушать разговор своего отца и ещё одного мужчины, работавшего в местных правоохранительных органах. Из этой беседы ребёнок навсегда запомнил, как «дядя-милиционер» объяснил его отцу, что если летом кто умирал в своём доме, то даже при отсутствии социальных связей, обнаружить покойника было совсем не сложно. Умерший ночью или под утро, уже после полудня источал чудовищный аромат посмертного гниения, который не мог оставаться незамеченным слишком долго. Сотрудник милиции утверждал, что обоняние в этой местности играло значение не меньшее, чем интуиция, а служба организации похорон работала оперативнее, чем где-либо ещё в России.

Однако, в очередное утро, проводимое на диком пляже, Лев и его родители стали свидетелем исключения из всех тех правил, о которых им рассказывал подвыпивший сотрудник.

Одинокий мальчуган, приходивший на берег, легко становился предметом всеобщего внимания отдыхающих. Многим было невдомёк, как ребёнок в столь раннем возрасте один шагает по пляжу, без присмотра родителей. Местные же, расценивали это обстоятельство как само собой разумеющееся, и на недоумевающие взгляды отдыхающих отвечали непринуждённой улыбкой, как если бы во всём этом была какая-то забавная шутка. Мальчугана угощали фруктами и специфическими сладостями. Так продолжалось очень долго, и вскоре родители Льва тоже привыкли к такому положению дел. Мальчуган, собрав доставшиеся ему блага человеческого умиления, уже играл в воде, в стороне от всех остальных детей. Этот ребёнок практически ничего никогда не говорил, в самых безвыходных ситуациях, когда кто-то из новопривыкших туристов пытался расспросить ребёнка о том, где его родители, добивались от него неуклюжих фраз. Было ясно, что к семи годам ребёнок практически не умел нормально разговаривать, этакий «пляжный маугли»

Играя в воде, мальчуган казался отрешённым от всего остального мира, не принимая в расчёт происходящее вокруг, он явно жил в мире собственном, вымышленном, и наполненном одному ему известным содержанием. В этом мире, скорее всего, мальчуган чувствовал себя вполне комфортно, он не знал там ни жестокости взрослых, ни голода, ни одиночества и страха, однако этот его мир, при его образе жизни, был обречён однажды натолкнуться на мир реальный, в котором обитает всё то, что дети наивно оставляют за пределами своих, ещё не отравленных фантазий.

«Сопряжение сфер», или «коллапс двух миров» в данном случае принял уродливые формы. Двое молодых мужчин, организовавших на берегу пляжа небольшой бизнес, предоставляли на прокат два катамарана и один подержанный гидроцикл. Туристы, оплатившие получасовое пользование плав-средством, должны были вернуться к берегу, где владельцы катамаранов бегло осматривали конструкции и заталкивали металлические судёнышки обратно на берег.

В очередной раз, приняв катамаран у вдоволь накатавшихся туристов, двое мужчин принялись заталкивать устройство обратно на гальку. Упёршись в борта катамарана, мужчины изо всех сил толкали его, так, что когда днище судна коснулось каменистого дна, послышался характерный громкий скрежет. Чтобы не потерять инерции, мужчины приложили ещё больше усилий, процесс был хорошо отработан и знаком. Однако чего владельцы катамарана не учли, так это одинокого мальчугана, который в этот самый момент бултыхался в воде, всего в четырёх метрах от берега. Он рассматривал что-то там, на каменистом дне, пригнувшись к самой

водной поверхности, реальный мир не существовал для него, но это уже не могло его спасти. Правый борт катамарана с силой ударил ребёнка в голову, в правую височную область.

Кровь, тонкой, алой струёй ударила по прозрачной воде, тут-же образовывая на её поверхности причудливый узор. Лев был единственным, кто заметил эту картину. Встав со своего места, сделав несколько шагов за пределы тени шезлонга, он очутился на горячих камнях. Ощущая как стопы обжигала нагретая поверхность, ребёнок неуверенными шагами направился в сторону мальчугана, истекающего кровью.

Струя артериальной крови ударила несколько раз в воду, после чего кровь лилась уже обильной струйкой, стекая по лицу мальчика. Красная линия проделала путь от раны на виске, до подбородка, и не найдя дальнейшей поддержки, карминовыми бусинами, стала падать в воду. Вокруг мальчугана расплылась алое облако его собственной крови, смешанной с морской водой. Ребёнок озадачено смотрел на свою кровь, то и дело пробуя водную поверхность рукой. Лев увидел, как побледнело лицо мальчугана. Кайма губ сделалась синей. Взгляд ребёнка, наконец, оторвался от созерцания своей истекающей крови, он посмотрел на Льва, тот ответил ему таким-же молчаливым взглядом. Позади мальчугана двое мужчин уже затолкали катамаран на берег, оба сделались вдруг молчаливыми, и отведя взгляд от пострадавшего, мужчины сели по обратную сторону своих суден. Лев посмотрел вокруг, никто из взрослых не спешил на помощь. Несколько человек стояли на берегу, в нескольких метрах от происходящего. Когда взгляд Льва упал на них, эти люди вдруг сделали вид, как если бы они были заняты созерцанием чего-то вдали. Остальные же, включая и родителей Льва, продолжали предаваться своему ленному бездействию, высовывая из-под тени шезлонгов то одни, то другие части тела.

Вернувшись взглядом к мальчугану, Лев отметил, как стремительно тот побледнел, уподобившись покойнику.

Теперь, спустя столь много лет, вспоминая о том случае, Лев не мог ответить даже самому себе, понимал ли мальчуган, что умирал, что в тот самый момент он был уже на пороге смерти. Лев склонялся к тому, что мальчишка ничего не понимал, он не понимал подошедшей к нему смерти, как и того безразличия, что было к нему проявлено.

В следующий момент, вспоминал Лев, мальчуган упал в воду. Сперва он осел на подкосившиеся в коленях ноги, затем медленно наклонился лицом к водной поверхности. Прибрежные волны уже разогнали сгустившуюся кровь, оставив вокруг несчастного лишь розового оттенка воду. В следующий момент, мальчуган упал лицом вперёд, глухо плюхнувшись и разбрызгав воду вокруг себя. Отдельные алые брызги попали на грудь и лицо Льва. Эти капли не стали стекать по гладкой коже, они словно закрепились на своём новом носителе.

Лев ещё какое-то время стоял на всё том-же месте, смотря то на тело ребёнка, мерно покачиваемое волнами, то на людей на пляже, которые все как один – старательно игнорировали случившееся. Некоторые люди лишь изредка бросали взгляд друг на друга, как-бы удостовераясь, что никто не собирался предпринимать каких бы то ни было действий.

В конце концов, Лев ощутил, как солнце начало сжигать кожу на его плечах, он бросил последний взгляд на тело мальчугана и вернулся обратно под тень шезлонга, к своим родителям. Спустя какое-то время, он хотел было спросить мать о случившемся, но женщина вовремя упредила этот вопрос, приложив указательный палец к губам сына, призывая его не нарушать тишины.

Лев вспомнил всю эту историю глядя на морской берег, вид на который открывался из окна дома, в котором ему предстояло прожить следующие четыре месяца. Ян энергично расхваливал по гостинной и буквально восхвалял своё жилище, утверждая, что Лев был готов совершить самую выгодную сделку в своей жизни. Мужчина периодически поглядывал на своего арендодателя и отмечал про себя, что тот откуда-то набрался самых отвратительных маклерских клише. Именно так представлялся процесс работы риелтора в зарубежных художествен-

ных кинофильмах. Лев кивал и поддакивал фразам Яна, для себя мужчина уже решил, что дом он снимет, альтернативы как таковой не было. Другие дома, сдававшиеся в Янтарном были ничем не лучше и не хуже этого, но вот что пленило Льва, так это близость к морю. До этого момента, он не предавал этому обстоятельству такого значения.

– Слушай, – сказал вдруг Лев, перебив Яна, когда тот не унимался, рассказывая о том, что облезшие деревянные оконные рамы специально не менялись на пластиковые стеклопакеты, поскольку дерево «дышало» и вообще соответствовало «изысканному вкусу» – а можно я окно вот это открою?

Даже не дождавшись разрешения от Яна, Лев подошёл к оконной раме и принялся сдвигать заклинившие щеколды.

Когда после нескольких неудачных попыток, щеколды всё же уступили, в лицо Льву ударил едва ощутимый морской бриз. Так как дом отстоял от берега как минимум на триста метров, ветерок, приходящий с моря, сильно терял в силе, но всё-же продолжал нести в себе специфический аромат. Сделав пару глубоких вдохов, не раскрывая глаз, Лев вспомнил, как он чувствовал подобный аромат в своём детстве. Раскрыв глаза и оценив пейзажные перспективы, мужчина повернулся к Яну, который отчего-то замер и не решался продолжить декламировать «интерьерные качества» своего жилища, Лев сказал:

– Где подписать?

Разумеется, этот вопрос был задан с иронией, но Ян с совершенно серьёзным видом зашагал в прихожую. Наконец вернувшись, он держал в руках пластиковую папку, шариковую ручку и несколько листов, копии договоров.

Позволив Льву ознакомиться с содержанием договора, Ян принялся звонить нотариусу. Лев бегло проглядел отдельные пункты договора, в основном – обязанности сторон, порядок расторжения и ответственность. Поглядывая исподлобья на Яна, он улыбался, столь нелепой казалась ему нервозность арендодателя.

Вскоре оба мужчины уже ехали к местному нотариусу, коим оказалась уже весьма взрослая женщина, страдающая астмой. Она носила очки, корректирующие её близорукость, однако при каждом кашле, очки норовили слететь с её, странной формы, носа. Вопреки ожиданиям Льва, который привык иметь дело с нотариусами в большом городе, эта женщина приняла клиентов весьма радушно, а на самого приезжего мужчину она смотрела скорее с некоторым интересом, нежели с подозрением.

– Ну так стало быть вы теперь будете с нами жить? – спросила женщина, не отрывая взгляда, скользящего по строкам договора.

– Да, – отвечал Лев – какое-то время я поживу в Янтарном. В вашем тесном сообществе...

Сказав это, Лев хотел показаться женщине человеком, не лишённым чувства юмора, однако нотариус бросила на него короткий взгляд, в котором хоть и не было никакой враждебности, но этот взгляд быстро ставил приезжего на своё место.

– Я давно мечтал побывать в Калининграде. – говорил Лев, понимая, что не лишним было бы исправить положение – И вот наконец у меня выдалось что-то вроде затяжных каникул.

– А где вы работаете? – спрашивала нотариус, не глядя на собеседника.

– Я работаю в одной организации, в городе Екатеринбург, занимающейся вопросами медицинского права.

Нотариус вдруг остановила свой взгляд на каком-то фрагменте договора и посмотрела на Льва.

– Вы что, терроризируете несчастных врачей из поликлиники, представляя требования всяких невротиков?

Лев не смог удержаться от того, чтобы не рассмеяться такой постановке вопроса.

– Ну нет, что же вы о нас так сразу думаете. – парировал Лев, стараясь обернуть всё в шутку – Наша организация занимается юридическим сопровождением научной и исследовательской деятельности, связанной с медициной в определённом ключе.

Женщина пристально посмотрела на Льва, после чего улыбнулась, сглаживая острые углы и её взгляд вернулся к договору.

– Ну а вы то, Ян Михайлович, с чего решили дом родовой сдавать?

Ян волновался в кабинете нотариуса ещё больше, чем в гостиной своего дома, когда пытался представить его Льву в лучшем свете.

– Ну я же давно там не живу. И езжу туда редко. В городе свои дела, а детям до этого дома дела нет никакого.

– Ну там же вроде берег рядом. – говорила нотариус – Или они у вас там зажрались совсем, из своего интернета не вылезают?

– Ну и это тоже, конечно. – напряжённо отвечал Ян – Но знаете, они ездят на платный, песчаный пляж. Получается, что дом то простаивает, а там глядишь и шпана какая забраться может.

– Ну оно то верно, – пробурчала нотариус – а цену то вы хорошую выставили.

Сказав это, женщина подняла свой взгляд на Льва, словно давая тому понять, что средняя рыночная цена на аналогичное жильё в данной местности была значительно ниже. Мужчина только пожал плечами, едва улыбаясь.

– Цена это ваше дело, – поясняла нотариус – но я хочу быть уверена, что вы не заявите о том, что условия сделки кабальны или что цена несправедливо завышена.

– Ни в коем случае, – отвечал Лев – Я со всеми условиями ознакомился и нашёл их приемлемыми.

Нотариус только пожал плечами, затем вынула из ящика своего стола печать и принялась заверять копии договора. В этот момент Лев перевёл свой взгляд на Яна, мужчина смотрел на руки нотариуса и улыбался наподобие падальщика, предвкушающего падение издыхающей добычи.

Вскоре Ян уже вёз Льва обратно. Сразу после посещения нотариуса, мужчины посетили отделение банка, где была произведена транзакция. Лев оплатил сразу весь срок в четыре месяца, чем чрезвычайно обрадовал Яна. Теперь, когда договор был подписан и заверен, а деньги казались на счёте Яна, хозяин дома чувствовал себя гораздо более уверенно. Он говорил более открыто, рассказывая историю дома, в котором Льву предстояло прожить следующие четыре месяца.

Как Лев и ожидал, дом достался Яну в наследство от родителей, отец умер последним, шесть лет назад. Ян рос в этом доме, но с вступлением в самостоятельную жизнь, он, разумеется, уехал в региональный центр – Калининград. Там он теперь жил со своей семьей, с женой и двумя детьми. Он постоянно ссылался на то, что следить за домом было ему не с руки, а из-за специфического расположения, найти съёмщиков не удавалось очень долго.

Лев же понимал, что было здесь ещё и что-то такое, чего Ян не договаривал, это было обычным делом в подобных вопросах, поэтому Лев поинтересовался где находился ближайший магазин строительных материалов, на случай если возникнут непредвиденные неполадки.

Ян же заверял Льва, что состояние дома исключает подобные инциденты, но внушить должную уверенность своему клиенту не получалось.

Доставив Льва к дому, Ян ещё раз показал мужчине кое-какие особенности дома. Где хранились запасные ключи, щиток предохранителей, счётчики.

Лев отмечал, что в доме, действительно, всё было сделано на совесть, многие узлы были заменены.

– Ну что, будем держать связь! – радостно сказал Ян, протягивая Льву руку.

Приняв рукопожатие, Лев ответил:

– Будем, конечно. Но я постараюсь без крайней необходимости не беспокоить.

Ян небрежно отмахнулся, давая понять, что этот вопрос не требовал особых формальностей.

– Слушай, а как у вас здесь с рынком подержанных машин? – спросил, как бы между прочим, Лев – Кто-то чем-то таким занимается?

Ян ненадолго задумался, разводя руками, затем ответил:

– Ну смотри, есть пара компаний в Калининграде, они по сути дела перекупы, но гоняют тачки из-за бугра.

Лев кивнул. В виду предшествующих месяцев, мужчина считал не лишним обзавестись личным автомобилем. Дом был подключён к интернету, а отсутствие телевизора его совершенно не удручало.

В конце концов Ян сел в свой автомобиль и уехал в город. Лев некоторое время смотрел вслед удалявшемуся автомобилю, затем поймав себя на мысли, что он оставил не закрытым окно в доме, мужчина поспешил вернуться в гостиную. Помещение наполнилось ароматом морского бриза, это ощущение, когда совершаешь глубокий вдох и приятное, необычное, солёное послевкусие словно оседает на внутренних поверхностях носоглотки, трахеи и бронхах, вызывало в мыслях у Льва какие-то совершенно особые образы, связанные далёкими детскими годами, с его родителями и поездкой на море. Кроме того, вспоминая те далёкие дни, Лев не мог не помнить о том, как удручающе действовало на него жаркое солнце, заставляя скрываться в тени шезлонга и не позволяя вдоволь нагуляться по набережной, асфальтовая поверхность которой начинала плавиться от жары. Здесь, солнце висело в виде блекло-жёлтого пятна, позволяя глазам любоваться серым небом, без необходимости зажмуриваться. Мужчина вдруг понял, что он уже и не помнил, когда в последний раз ему доводилось видеть солнечный диск не закрывая глаз и не испытывая при этом никакого дискомфорта.

Подойдя к окну, Лев помедлил, пытаясь определить, стоит ли ему вообще закрывать створы. Внимание мужчины привлекла движущаяся фигура, перемещавшаяся вдоль прибрежной линии.

Присмотревшись, Лев определил, что это был человек, скорее всего ребёнок, который медленно, едва прихрамывая, шёл в направлении бетонного массива, оставшегося от старого волнореза. Какое-то время Лев наблюдал за одинокой фигуркой. Возраст ребёнка определить не удавалось, одет он был однотонно, штаны соответствовали куртке, и в руках он нёс что-то, что отдалённо напоминало не то корзину, не то жестяную клеть.

Фигурка деловито двигалась в направлении старого, местами позеленевшего от водорослей, волнореза. Лев не сводил взгляда с фигурки, пока в какой-то момент она не остановилась. Просто-напросто прервав свои движения, маленький человек встал как вкопанный. Это удивило Льва, поскольку человек не стоял не совершая никаких действий, не осматривая себя, ни смотря себе под ноги, а следовательно, трудно было представить, что побудило его остановиться. Лев задумался над такой мыслью, что в жизни, люди привыкли видеть гораздо больше смысла в какой либо активной деятельности, в том, что требует динамики, движения, даже самого бессмысленного, в то время как любое несоответствие этому представлению вызывают у людей неприятие и раздражительность.

Размышляя над этой своей мыслью, Лев сам того не заметил, как фигурка, стоявшая до того момента в профиль к его дому, теперь повернулась и глядела на дом. Лев мог видеть фигурку в анфас, но из-за расстояния мужчина по-прежнему не мог различить каких бы то не было черт.

Сам не осознавая мотивации своих действий, Лев сел на подоконник, опёрся руками и развернул свои ноги наружу, свесив из окна. Высота до земли была не больше полутора метров. Легко спрыгнув, обрета твердь под ногами, мужчина зашагал к берегу. Он шёл строго вперёд,

намереваясь сделать вид, будто его мысли и внимания находились где-то ещё, но не с ним. Таким образом, он планировал избежать впечатления на стороне неизвестного паренька, как если бы он стремился подойти к нему.

Берег моря от дома отделяли триста с небольшим метров, но на этом пути была естественная ложбина, резко спускавшаяся вниз, скрывая вид моря от взора, идущего по ней. Затем предстоял подъём, и человек предстал перед самым берегом. Когда Лев поднялся по не очень крутому склону, сильный порыв морского ветра ударил его в лицо. С этим порывом мужчина ощутил по настоящему сильный привкус бриза, это не шло ни в какое сравнение с тем, что ощущалось в его гостиной. Отчасти это открытие вызвало у Льва непродолжительный приступ радости, он еле сдержался, чтобы не развести руки навстречу ветру. Осмотревшись, мужчина обнаружил, что на берегу никого не было. Помедлив какое-то время, он поспешил туда, где располагался волнорез. Только приблизившись достаточно близко к бетонной конструкции, Лев понял, насколько это когда-то была громадная штукавина. Теперь же от бывшего величия остался один единственный фрагмент, расщеплённый надвое.

Линия раскола шла вдоль всей конструкции, и образовавшаяся расщелина не была очень широкой, между её краями можно было стоять расставив ноги. Глядя сквозь толщу камня, можно было видеть, как вода проложила себе путь даже сквозь кажущийся неприступным камень. Теперь, там внизу, вторя набегаящим волнам, колыхалась более спокойная водная гладь. Из-за того, что вода внутри расщелины волнореза была спокойной, оттуда доносился запах заплесневелости, характерный запах стоячей воды.

Стоять на бетонной поверхности волнореза было не вполне удобно из-за того, что она стала скользкой, Лев осмотрелся и не обнаружил вокруг следов кого-либо. Ветер усиливался, и хотя с каждым его порывом по-прежнему приходила новая порция морского бриза, сделавшись сильнее, ветер заставлял мужчину испытывать неприятный озноб.

Спустившись с волнореза, мужчина ещё раз посмотрел вокруг, и убедившись, что никого на берегу не было, он направился обратно в дом.

Оказавшись в гостиной, Лев первым делом подошёл к окну и посмотрел на берег. Там никого не было. Мужчина закрыл оконные створы.

Глава 1

Первые два дня Лев обустроивал своё жилище в соответствии со своими личными, порой несколько специфическими предпочтениями. Ян обещал, что не станет нарушать покой мужчины внезапными визитами и проверками состояния дома. Для Льва это звучало как некоторая индальгенция, приглашающая его творческий потенциал к тому, чтобы приложить руку к дизайну интерьера.

Никаких новаторских решений принято не было. Лев только передвинул мебель в гостиной таким образом, чтобы ему было удобно заниматься элементарными делами, работая с ноутбуком. Для этого он сдвинул увесистый и неподатливый письменный стол к окну. На самом окне была установлена рулонная штора, которой можно было защититься от слишком яркого солнца в отдельные дни, но как мужчина уже понял, наступающее время года не обещает подобных проблем. А вот возможность приоткрывать окно или держать открытой форточку выглядела вполне привлекательной, поскольку сидя за письменным столом, Лев мог наслаждаться столь быстро полюбившимся ему ароматом морского бриза.

Диван, который был двуспальным, мужчина сложил в односпальный, и передвинул к противоположной стене. Теперь, используя стул, при необходимости, Лев мог ставить ноутбук неподалёку от дивана.

Минувшим днём мужчина совершил полноценную вылазку в сам город Янтарный, и был приятно удивлён, когда обнаружил несоответствие реальности его пессимистическим ожида-

ниям. Хотя это и был маленький городок, но инфраструктура здесь была на достаточно высоком уровне. Было очевидно, что местная администрация видит в качестве градообразующего источника дохода туризм, в силу чего, отовсюду пестрили вывески маленьких ресторанчиков, лавок с сувенирной продукцией, большая часть которой была конечно из янтаря, который считался местной «визитной карточкой».

В городе были любопытные культурно-исторические объекты, экскурсионные программы, предлагающие туристам псевдо-исторические версии развития края, и самого города Янтарный в частности.

Лев был не менее удивлён, когда обнаружил, что весь этот «туристический уклон», несмотря на предвзятое отношение к внутреннему туризму в стране, в Янтарном приносил не такие уж плохие дивиденды. В городке были гостиницы, причём две из них имели весьма внушительный размах.

Во всём остальном, что касалось рынка товаров широкого потребления, рынка труда и ситуации в публичном секторе, чудо-городок унаследовал казавшиеся неизлечимыми «болезни» общие для всей федерации.

Потратив порядка четырёх часов, Лев буквально исходил все возможные улицы, дворы, осмотрел со стороны наиболее примечательные объекты, и даже купил в одном сувенирном ларьке магнитик на холодильник, посчитав, что это выглядело как вполне остроумная шутка, если он повесит его на дверцу холодильника, который стоит в доме, находящемся практически в черте города.

Вернувшись домой, мужчина принял душ, поужинал и сел за ноутбук. Просматривая ленты новостей, он не сразу заметил, что в его браузере до сих пор были выставлены идентификационные настройки, как если бы он находился в Екатеринбурге. Исправив эту ошибку, мужчина заметил, что в его почтовом ящике было одно новое входящее сообщение.

Адресатом сообщения был Михаил, бывший коллега. В сообщении Михаил требовал от Льва немедленно сообщить, где тот находится. В ход шли сперва уговоры, увещевания, но уже ближе к концу сообщения автор переходил на откровенные угрозы.

Прочитав сообщение, Льву захотелось ответить. Он представил, какое ответное письмо он смог бы составить, чтобы буквально по пунктам дать ответ на каждую нелепую угрозу. Более того, мужчине нравилось думать, что если бы он мог позволить себе такую прямолинейность, то он бы составлял ответ в той же манере, что и сообщение Михаила, когда шкала эмоциональности повышается по мере продвижения автора от начала к завершению. Но такое графоманское безобразие, на данный момент, он не мог себе позволить. Стоило радоваться тому, что удалось практически без лишнего шума осесть хоть и в специфическом, но довольно неплохом месте.

Предпочтя закрыть сообщение, Лев запросил через поисковик последовательный архив новостей, связанных с происшествием, подтолкнувшим его податься в бега.

Два с небольшим года Лев работал в юридическом отделе частного исследовательского центра, который занимался исследованиями в области нейрофизиологии. Ведущий сотрудник, руководитель исследовательского отдела, сумел разработать уникальный метод оперативного воздействия на головной мозг человека, пережившего клиническую смерть. Суть метода заключалась в том, что при успешном его применении, пациент имел очень высокие шансы не просто восстановить свои рефлекторную и мышечную память, но и свой предшествующий жизненный опыт, и информационный статус личности целиком. Уникальный метод получил название «нейросинтез» и наделал очень много шума, сперва в научных и медицинских кругах, а затем и в СМИ.

Однако каждая громкая новость, преподносимая доверчивой публике с федеральных новостных каналов, непременно имеет свою оборотную сторону, о которой предпочитают

умалчивать. В случае с «нейросинтезом» ситуация обстояла ещё более необычно. На этот раз СМИ даже не позволили заполучить ту информацию, касающуюся исследований, которая могла бы с лёгкостью дискредитировать целиком весь проект и ряд специалистов в нём участвующих.

Юридический отдел исследовательского центра работал главным образом для сопровождения договорной деятельности всего учреждения, регулируя договора начиная от поставок канцелярских изделий и туалетной бумаги, заканчивая серьёзными, многосторонними, международными договорами о поставке уникального оборудования.

Однако, разросшийся юридический отдел предоставлял своим сотрудникам перспективы лишь горизонтального карьерного роста. Даже при весьма не плохой оплате труда, не всех это устраивало. Очень скоро на общем фоне выделилась группа юристов, которые «копали глубже и бросали дальше». Среди таковых был и Лев. Эти «стахановцы» пера и бумаги добивались наиболее выгодных условий сотрудничества исследовательского центра с поставщиками импортного оборудования, и владели определёнными методами обхождения ряда таможенных и пограничных норм в отечественном законодательстве, что часто позволяло исследовательскому центру избежать серьёзных транзакционных и организаторских издержек.

Вскоре, руководитель проекта «нейросинтез», профессор-нейрофизиолог Кирилл Генрикович, заметил эту группу энтузиастов, и вызвал на закрытую беседу, в которой предложил молодым, но целеустремлённым специалистам перспективы куда более многообещающие, чем те, что были официально им доступны. В частности, предложенные перспективы выражались не в карьерном росте, а в количестве нолей в сумме доходов от их деликатной работы.

Лев и его товарищи согласились на предложенные условия, принимая на себя ряд специфических обязательств, одним из которых была полная секретность предстоящей деятельности. Работа заключалась в правовом сопровождении поставок Кириллу Генриковичу ряда препаратов, которые были либо запрещены к свободному обороту на территории России, либо просто нигде не классифицировались в силу своей специфичности.

Кирилл Генрикович дал понять юристам, что эти препараты являются необходимой частью реализации его проекта, без которой уникальная операция теряет свою эффективность. У профессора уже были готовые поставщики и исполнители поставок на всех этапах логистического маршрута, однако проблемы могли начаться с момента пересечения российской границы, и вот здесь то группе «юридического спецназа» и предстояло вступить в работу. Необходимо было создать такие правовые условия, которые могли бы позволить миновать слишком высокие риски правового характера.

Несмотря на то, что задача поначалу казалось чем-то средним между «очень сложной» и «невыполнимой», старший группы юристов, им как раз был Михаил, заставил своих коллег поверить, что у него есть план и необходимые связи. Вскоре, логистическая цепь заработала на полную. Профессор исправно получал свои поставки веществ под видом биологически-активных добавок и пробников гомеопатических фито-средств.

Организованная система работала очень эффективно, но вскоре у самого профессора возникли какие-то трудности на уровне, о котором его «секретные юристы» не знали. Госнаркоконтроль обратил своё внимание на поставки, и в какой-то момент всё грозило крупной облавой, однако государственный орган медлил и не предпринимал никаких действий.

Михаил и его коллеги, включая Льва, разработали примерный план действий на тот день, когда группа захвата появится на складе исследовательского центра и арестует прибывшую партию. Михаил назвал разработанный комплекс правовых мер «план на судный день». Однако шли недели, месяца, а никакой облавы со стороны правоохранителей не было. Кирилл Генрикович в какой-то момент попросту исчез, его место занял другой специалист, молодой, но не менее хваткий. Он на удивление быстро включился во все дела своего предшественника, но юристов не посвящал в детали.

Михаил, хотя и был самым опытным, но нервы у него сдавали быстрее, чем у всех остальных. В какой-то момент, он собрал своих товарищей, и поведал им, что ближайший помощник нового руководителя исследовательского отдела – Елизавета Лурия, дала ему понять, будто бы руководитель отдела тайно планировал покинуть страну в ближайшее время.

В глазах уже изрядно нервничавшего Михаила это явилось знамением того, что грядёт ожидаемый «судный день»

– Максимилиан, (новый глава проекта «нейросинтез» на тот момент), очевидно решил умыть руки. – рассуждал Михаил, обрисовывая своим коллегам собственное видение ситуации – Ясно понятно, что он не хочет попасться, а стало быть уже «запахло жареным» и наш план не сильно нам поможет.

– Ну погоди, – Лев всё время пытался успокоить своего старшего товарища и воззвать к его сознанию – не стоит горячку пороть раньше времени...

Михаил никогда не слушал Льва, в основном по двум причинам, во-первых он был сильно напуган, а во-вторых его собственное эго не позволяло ему прислушиваться к рекомендациям младшего специалиста. Лев был «младшим» во всех отношениях, по возрасту и по объёму практического опыта в юриспруденции.

Лев утверждал, что поспешность в данной ситуации могла только навредить и проекту, который они обслуживали, и самим себе. Но реальность, как это часто бывает, оказалась изобретательней всех произведённых расчётов.

Вскоре случилось что-то такое, чего никто не мог предвидеть. Группа захвата госнарконтроля появилась таки на складе, но к этому моменту, все те вещества, наличие которых могли лечь в доказательственную базу, были заблаговременно перепрятаны. Лев проявил завидную предусмотрительность, прозорливость и оперативность. Не поставив никого из своих коллег в известность, он воспользовался сторонней помощью, чтобы перевести груз на нейтральную территорию. Прошедшие обыски смогли выявить только незначительные нарушения правил оприходования ряда фармацевтических товаров, но этого едва хватало на постановление о привлечении исследовательского центра к административной ответственности. Но ещё до того как об этом стало известно, Михаил пережил тяжелейший стресс, обернувшийся микроинфарктом. Двое других сотрудников продали всё своё имущество практически за бесценок и уехали за границу, без намерения возвращаться в Россию. А Лев, выждав ещё немного, как и вся широкая общественность, получил сообщение из СМИ о взрыве в доме Максимилиана, при котором погиб сам учёный, его супруга и несколько сотрудников следственных органов, которые долгое время шли по следу Кирилла Генриковича и его последователей. Елизавета Лурия, ещё один участник всей этой запутанной истории, была найдена хладнокровно убитой на квартире человека, с которым её связывали не вполне понятные отношения.

Теперь, все, кто имел хоть какое-то отношение к деятельности проекта «нейросинтез», либо были мертвы, либо с пеной у рта отрицали всякую свою причастность к чему либо. Это позволило Льву продать то, что он успел спрятать. Разумеется, ряд последующих сделок был не вполне легален, и преимущество здесь было на стороне покупателей, в качестве которых выступили несколько местных фармацевтических компаний. За уникальный товар они заплатили Льву сущие копейки, но с точки зрения обывателя, использующего деньги для своих индивидуальных нужд, это был огромный гонорар. Какое-то время Льву пришлось повозиться с тем, чтобы вывести полученные средства на счета таких банков, которые могли позволить себе теневое банковское обслуживание клиентов. Это было рискованно и не сулило особых накопительных бонусов, поскольку такие банки, принимая средства на счёт, не предоставляли своему клиенту высоких процентов, полагая, что тем и без того стоит радоваться, что они могут защитить свой капитал от российских силовых структур.

Хуже всего, в этот период времени, приходилось Михаилу. Оставаясь в больничной койке, он тратил свои собственные средства, чтобы его по дольше не выписывали и чтобы

его лечащий врач постоянно продлевал ему показания к «полному покою», таким образом, он сводил на минимум перспективы встречи со следователями. Однако, в тоже самое время, он понимал, что Лев заметал следы своей махинации. В общем, когда Михаил смог, наконец, выйти за порог своей больничной палаты, он обнаружил что Льва и след простыл. Мужчина уже продал своё жильё, машину, снял все накопления с официальных счетов. На телефонные звонки он не отвечал, да и вообще перестал пользоваться услугами своего мобильного оператора. Разумеется, Михаил не мог подать заявление на Льва, ведь в таком случае пришлось бы указать основание, а «горе-стратег» напротив, старался сделать всё, чтобы минимизировать свои контакты с правоохранителями. В такой ситуации Михаилу не оставалось ничего другого, кроме как засыпать электронную почту Льва письмами. Но даже в текстах таких писем мужчина не мог выражаться прямо. Вместо этого Михаил использовал косвенную речь, метафоры, завуалированные фразы. Разумеется, если бы следственные органы заинтересовались Михаилом в рамках расследуемого дела, то при проверке отправляемой им корреспонденции, они бы безо всякого труда поняли, о чём идёт речь. Ведь по мере того как Михаил терял самообладание, его фразы становились всё более прозрачными. Но следствие, очевидно, было занято другими делами, или же смотрело в другую сторону. Лев, тем не менее, взял за правило пользоваться VPN-серверами, и другими анонимайзерами при работе в сети, руководствуясь принципом что «бог бережёт только бережённому»

Лев, просматривая историю новостных сообщений, касавшихся его ситуации, с каждым днём обнаруживал, что пресса утратила всякий интерес к делу. В обозримых перспективах мужчина видел только один единственный выход. Ему придётся уезжать за границу, и пробовать обустроить свою жизнь на чужбине. К счастью, Льву не грозили проблемы языкового барьера, если речь шла о странах где использовался английский или немецкий языки. Тот капитал, которым он теперь располагал, мог позволить ему приобрести вполне приличное жильё в центральной Европе. Но он прекрасно понимал, что в силу валютной разницы, его капитал очень сильно уменьшался в стоимости при переводе на Евро, и это, в свою очередь, означало, что после переезда, ему пришлось бы полностью менять свой образ жизни.

Единственное, что в некотором роде приносило Льву облегчение, было осознание того, что его образ жизни, бездетного холостяка, не связанного семейными обязательствами, позволял ему определённую мобильность.

Оставляя наиболее волнительные вопросы «на потом», мужчина переключал своё внимание на другие вопросы, которые хоть и не были такими насущными, но приковывали к себе его внимание не в меньшей степени.

Льва интересовала история места, в котором ему предстояло провести ближайшие несколько месяцев, и ради того, чтобы заполнить каверны своих, довольно посредственных в этом вопросе знаний, мужчина принялся отыскивать исторические и культурологические статьи, касающиеся села Янтарное.

С поиском информации не было никаких проблем. Очень быстро Лев узнал о истории коренного народа, обитавшего на территории современного города. Затем был более интересный исторический период, связанный с активным влиянием ливонского ордена. Затем Лев углубился в период так называемой прусской юрисдикции. Фактически, то что называется «посёлок Янтарный», существует с тысяча девятьсот сорок шестого года, и является результатом политики Советского союза в послевоенный период. Однако, в двадцатом веке роль янтаря уже не представлялась достаточно существенной, чтобы извлекать из этого достаточную выгоду. Из-за специфики экономических отношений в СССР, вся калининградская область испытывала определённые трудности, существуя главным образом на остатках инфраструктуры еще того периода, когда Калининград носил гордое название Кёнигсберг – «королевская

гора» Этот величественный город просуществовал с тысяча семьсот семьдесят третьего года по тысяча девятьсот сорок шестой. В этот период Кёнигсберг являлся административным центром восточной Пруссии.

Сегодня подобные темы предпочитают не поднимать, полагая, что их «измусоливание» вызовет больше противоречий, в то время как страна нуждается в «консолидирующем факторе» К сожалению, и Лев всегда понимал это, «политическая консолидация» всегда имеет очень мало общего с правдой.

Ещё в первой половине двадцатого века, в тысяча девятьсот девятнадцатом году в Кёнигсберге был открыт один из первых во всей Европе аэропортов, получивших название Девау. Этот авиаузел связал Пруссию, Прибалтику и Москву, положив начало полноценному международному сообщению.

Сама культура Пруссии предрасполагала развитие, неразрывно связанное с милитаризмом, и соответственно – с укреплением собственной государственности. Играющий мускулами город расширялся вплоть до Второй мировой войны, дополняя к собственным архитектурным сооружениям и элементам передовой на тот момент инфраструктуры оборонительные кольца из каменных стен.

Примечательным Лев находил ту самообеспеченность, не только в экономическом, но и в культурном плане, которую проявлял Кёнигсберг. Так, например, выпускники знаменитой на весь мир Кёнигсбергской академии художеств самостоятельно разрабатывали и реализовывали художественные, архитектурные композиции, делавшие город индивидуальным.

Судьба, тем не менее, часто бывает не благосклонна к тем, кто склонен проявлять выдающиеся черты своего характера. На их долю судьба склонна выбрасывать наиболее изощрённые испытания, и вопреки распространённому христианскому принципу о том, что всевышний никогда не посылает испытания сложнее, чем «испытываемый» может вынести, к Кёнигсбергу были безжалостны как «бог», так и судьба.

Оказавшись между «молотом и наковальней», ещё до окончания тысяча девятьсот сорок четвёртого года Кёнигсберг уже был сильно разрушен под бесчисленными бомбовыми ударами королевских ВВС Великобритании, которые проводили карательную операцию «Возмездие». При этом, памятуя о пережитом унижении и собственной трусости в ходе океанских боестолкновений, Великобритания отважно бомбардировала центр Кёнигсберга, лишённый военных объектов, и соответственно средств противозенитной обороны. Результатом такой тактики стала гибель сотен тысяч мирных жителей Кёнигсберга, большинство которых не имели никакого отношения к НСДП.

Помимо людских жертв, пострадали объекты инфраструктуры и культурного наследия, восстановление которых в будущем оказалось за пределами интереса «победителей».

До самой зимы тысяча девятьсот сорок пятого года, гарнизон обескровленного Кёнигсберга находился под командованием Отто Ляша, однако как сам город-крепость, так и его гарнизоны были окружены до самой весны. Лишь пятого апреля того же года начался штурм Кёнигсберга.

Взятие Кёнигсберга в сложившихся обстоятельствах, имело больше символическое значение, нежели стратегическое. И как это часто бывает, российский менталитет главнокомандующих превыше всего ценит «символ», нежели собственного солдата. Маршал СССР Василевский Александр Михайлович решил ради достижения «символической цели» пойти на «материальные потери», разменивая в качестве «валюты» за которую покупалась победа, жизни личного состава. Этот маршал впервые применил тактику пехотного наступления до окончания артиллерийской подготовки.

Знания Льва относительно отечественной «военной премудрости» позволяли ему практически безошибочно предположить, в чём заключался гениальный план маршала.

Дело в том, что оборонявшиеся, под тяжёлым огнём советской артиллерии, занимали пассивное положение в ожидании окончания залпов, и подхода пехотной атаки. Однако маршал Василевский погнал солдат красной армии в атаку ещё задолго до того, как стихли залпы собственной артиллерии. Это позволило пехоте достичь укреплений противника ещё до того, как те успели поднять головы, но минимум одна тысяча и двести советских военнослужащих погибли под собственным огнём в период продвижения к укреплению противника. Разумеется, что эта цифра была многократно занижена, ведь численность оборонявших Кёнигсберг бойцов едва насчитывалось четыреста человек. Уже тридцатого сентября того же года, в захваченном городе был заложен памятник памяти тем бойцам, которых убил их собственный командующий. Но в общей истерии после Мая сорок пятого, это обстоятельство уже не имело никакого значения. Факт оставался фактом, десятого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года над Кёнигсбергом было поднято красное знамя, что ознаменовало конец Кёнигсберга и начало «особого пути» города Калининграда и прилегающих к нему муниципальных образований.

Лев отыскивал цифры, согласно которым, после передачи Кёнигсберга в советскую юрисдикцию, на территории города-крепости оставалось приблизительно двадцать тысяч человек немецкого населения из трёхсот семидесяти тысяч, проживавших в городе до войны.

Лев понимал, что любые цифры, касались ли они мёртвых или живых, врагов или союзников, постоянно занижались. Советская статистика не отличалась объективностью, будучи политизированной и не имея квалифицированных кадров. Поэтому, когда он прочитал, что в период между сорок седьмым и пятидесятым годами всё оставшееся в Кёнигсберге немецкое население было выдворено в Германию, у него на лице невольно появилась саркастическая ухмылка. Он понимал, что если это и было правдой, то нигде не уточнялось, в какую германию эти люди были депортированы, в цивилизованное ФРГ, находившееся в зоне американской оккупации или в ГДР, превращённую в советскую трудовую колонию, где царила полнейшая разруха, а люди продолжали умирать от голода.

Не менее прискорбно сложилась судьба культурного и исторического наследия Кёнигсберга, ведь оказавшись под юрисдикцией СССР, наука надолго покинула некогда величественный город. В тысяча девятьсот шестьдесят девятом году, некий Николай Коновалов, в должности секретаря областного комитета КПСС распорядился взорвать центральный замок Кёнигсберга, на тот момент уже Калининграда, вопреки множеству протестов, которые громко звучали из-за границы, и беззвучно резонировали в умах жителей некогда великого города.

Насколько Лев уже успел узнать, «воз» оставался и ныне там, поскольку уже в нынешнем Калининграде до сих пор не принято окончательного решения по поводу судьбы исторического наследия города. Как это происходит уже в современной России, все те вопросы, которые требуют бюджетных средств и не обещают прямых дивидендов в краткосрочной перспективе, остаются на уровне несостоявшихся «референдумов»

Лев встал из-за стола, судя по времени, он довольно долго читал различные статьи. Его не удивляло то, насколько легко он мог забывать о времени, погружаясь с головой в изучение интересующих его вопросов. Расхаживая по гостиной, меря пол широкими шагами, Лев поймал себя на мысли, что он уже очень давно не позволял себе вот так вот взять и погрузиться в то, что было ему по-настоящему интересно. Все последние годы, что он работал на исследовательский центр, его свободное время приносилось в жертву только тех вопросов, которые составляли интересы других людей. Разумеется, работая в рамках узкой группы специалистов над заданием, которое им ставил Кирилл Генрикович, не исключала своих открытий и ценного опыта. Но только теперь, когда позади оставались «начальники» и «дэд-лайны», Лев понимал значения новомодного термина «freefall»

Было довольно поздно, но в то же самое время, мужчина мог позволить себе подниматься в любое, сколь бы то не было позднее время. Будучи не вполне уверен, хочется ли ему спать, Лев отошёл на кухню, чтобы вскипятить немного воды для зелёного чая.

Окунув чайный пакетик в горячую воду, мужчина дождался, пока вода окрасится в характерный светло-зелёный оттенок, свидетельствующий о должной степени готовности напитка.

Вернувшись в гостиную, Лев уже машинально подошёл к окну, смотрящему на берег и поставил свою кружку на подоконник.

Снаружи окончательно стемнело, но из-за отступивших облаков обнажилась луна, которая теперь висела в небе большущим бледным кругом, и при её созерцании, Лев словно ощутил какими-то до селе неизвестными ему чувствами особые характеристики луны.

– Какие только могут быть особенности у этого камня, покрытого миллиардами тонн пыли? – спросил самого себя мужчина, то и дело отпивая уже начавший остывать чай.

Размышляя над заданным самому же себе вопросом, Лев пришёл к выводу, что у той луны, которая обитала на местном небосводе, всё-таки имелись свои собственные черты. Или из-за её близости, или в силу не перестававшего шуметь моря, местная луна обретала ощутимые безмолвие и неподвижность.

Внезапно, Лев отбросил в сторону свои отстранённые мысли. В бледном свете луны, который падал на каменистый берег, отражался от его поверхности, мужчина заметил одинокую фигуру. Кто-то находился на старом волнорезе, как раз там, куда днём ему довелось сходить, в поисках неизвестного мальчишки, не весть откуда объявившегося на берегу.

Присмотревшись на столько, на сколько это позволяло специфическое, лунное освещение, Лев пришёл к выводу, что там, на вершине старинной бетонной конструкции стоял тот же самый человек, которого он видел прошлым днём. Лев вновь заставил себя поверить, что это мог быть только ребёнок. Но если в предыдущий раз таинственная фигурка проследовала вдоль берега, явно занятая собственными делами, а потом словно исчезла, то теперь, кто бы это ни был, он стоял на вершине старого волнореза и судя по всему смотрел прямо на дом Льва.

Это осознание внезапно заставило сердце мужчины сжаться, ему сделалось неприятно, что кто-то вот так пялится на его дом, ночью, невзирая ни на нормы приличия, ни на здравый смысл.

У мужчины в голове образовался целый рой мыслей, большинство из которых были совершенно абсурдными.

– Кто мог отпустить своего ребёнка в такой час одного на берег? – спрашивал себя Лев – Или у него нет родителей, беспризорный?

В какой-то момент мужчина почувствовал, что даже с такого приличного расстояния, он не может долго фокусировать взгляд на фигурке, которая стояла неподвижно.

Лев то и дело отводил взгляд, то на свою кружку, то на подоконник. Таким образом, он словно восполнял растрачиваемые запасы уверенности, после чего его взгляд вновь устремлялся туда, на волнорез. Фигурка оставалась на своём месте, более того, она не двигалась, длительное время не позволяя себя совершить даже малейшее движение. Это было полным абсурдом, но в какой-то момент Лев мысленно провёл аналогию между созерцаемой фигуркой и тем, как он себе представлял полевое пугало.

– В любом случае, – заявил мужчина вслух, зная, что звук его собственного голоса часто предавал ему дополнительной уверенности в себе – нужно выяснить это и разобраться.

Накинув тонкий ветряк и выходя из дома, Лев намеривался добежать до волнореза и застать там мальчугана, который уже второй день подряд становится причиной неясного эмоционального дискомфорта.

Лев, оказавшись за порогом дома, тут же перешёл на бег, взяв направление в сторону волнореза. Однако спустя несколько секунд, он споткнулся, едва удержал равновесие, но про-

должил свой путь. Теперь он старательно смотрел себе под ноги, понимая, что ночью ему не следовало, как оголтелому, носиться по каменистому пляжу.

Однако мужчина интенсивно перебирал ногами, он старался периодически смотреть туда, куда ему нужно было добраться, но поскольку ради собственной безопасности Лев был вынужден всё время смотреть под ноги и выбирать места, куда он мог бы наступать без опаски поскользнуться или оступиться, он неизбежно смещался в сторону от выбранной траектории. Наконец впереди показался волнорез, при свете луны его бетонные стены местами казались чёрными, а местами напротив, щербатая поверхность старого бетона принимала оттенок схожий с оттенком самой луны.

Одного взгляда на вершину конструкции было достаточно, чтобы Лев понял, на волнорезе никого не было. Это обстоятельство ошеломило мужчину, он испытывал удивление и негодование одновременно. Выругавшись, он сплюнул на камни, и переведя дыхание, принялся обходить волнорез, чтобы иметь возможность убедиться, что никто не прятался за конструкцией. Лев не смог отказать себе в том, чтобы влезть на волнорез. Оказавшись на верхних плитах конструкции, мужчина убедился, что здесь никого не было. Верхние плиты буквально утопали в лунном свете, так, что всё окружающее пространство за пределами конструкции казалось теперь крошечной тьмой.

Лев подошёл к самому краю волнореза и посмотрел вниз. Хотя высота стены составляла не больше двух с половиной метров, за пределами верхних плит ничего не было видно. Это обстоятельство не могло не удивлять мужчину. Подойдя к тому самому месту, где как ему казалось, он видел одинокую фигуру, мужчина посмотрел в направлении, в котором должен был располагаться его дом. Лев убедился, что с этой позиции можно было видеть контур дома и свет в окне, выходящем на берег. Но не могло быть и речи о том, чтобы различить что-то конкретное с такого расстояния и при таком освещении.

Ветер, надувавший с моря, теперь бил в спину мужчине, и ему было приятно ощущать приносимую ветром свежесть и прохладу. Однако, стоя на том же самом месте, Лев вдруг поймал себя на мысли, что ему по совершенно необъяснимой причине не хочется опускать свой взгляд туда, где была расщелина в бетонных плитах. Из расщелины доносился уже знакомый мужчине запах стоячей воды, но помимо запаха, ничего больше оттуда не исходило, казалось, что на всю свою глубину расщелина была заполнена непроницаемой тьмой.

Сделав несколько шагов в сторону, Лев всё же пересилил самого себя и посмотрел в расщелину.

– А мне, оказывается, трудно отказать своей собственной фантазии в изобретательности! – заключил вдруг Лев, осознавая как его мысли, словно высвободившись из-под контроля рационального мышления, устремились в расщелину.

Достигнув неведомого дна, там, где стояли заплесневелые воды, омывавшие поросшие толстым налётом водорослей стены, мысли нащупали неведомое дно, и что-то ещё. Это что-то ответило неясным, не воспринимаемым стандартными органами чувств, резонансом. И вот уже эти мысли, побывавшие там, и скорее всего заражённые чем-то неведомым, устремились обратно, прочь из расщелины. Словно стая чёрных воронов, высвобожденных из длительного заточения в тесной клетке, заражённые мысли, такие же чёрные, как и оперенье воронов, вырывались наружу из расщелины. Некоторые из них сразу же устремились обратно в сознание того, кем они были созданы, иные – какое-то время кружили вокруг, но всё равно возвращались.

Вернувшись, эти мысли порождали в породившем их сознании образы, которым не находилось никакого объяснения. Эти образы, размытые, спутанные, были непременно связаны с волнением и тревогой.

Лев на какой-то момент закрыл глаза, и увидел обрывки сцены, в которой двое совершенно неизвестных ему людей плыли в старой деревянной, вёсельной лодке по спокойной воде, окру-

жённые густым, липким туманом. Это были мужчина и женщина, мужчина правил вёслами, женщина куталась в несколько изодранных шалей, её била крупная дрожь, она была на очень позднем сроке беременности.

Примечательным в этой сцене было и то, как мужчина смотрел на женщину напротив себя. В его взгляде читалось презрение, он не мог подолгу смотреть на женщину, не отводя взгляда, ему хотелось плевать за борт лодки. Лев был уверен, что мужчине едва хватало сил удержаться от того, чтобы не вскочить на ноги и не разmozжить женщине голову ударом весла.

Женщина продолжала дрожать, по её лицу текли слёзы, но единственным, что срывалось с её уст, было облаком пара от выдыхаемого в окружающее пространство воздуха.

Лев вновь раскрыл глаза, обнаружив, что он по-прежнему стоял на волнорезе, в том же самом месте, в нескольких шагах от расщелины. Теперь, тем не менее, всё несколько переменялось. Тьма перестала быть такой густой, а лунный свет освещал равномерно всё пространство вокруг. Прежде чем спуститься с волнореза, мужчина опустил на одно колено подле расщелины. Ему показалось, что в нескольких дюймах ниже верхнего края плиты что-то мерно покачивалось. Осторожно дотянувшись до непонятного предмета, мужчина нащупал металлическую проволоку, довольно толстую в диаметре. Вытянув предмет на поверхность, Лев обнаружил, что это была насквозь проржавевшая, старая ловушка для крабов. Такими самодельными приспособлениями ловили крабов и других прибрежных ракообразных. На противоположном конце проволоки размещалось что-то на вроде клетки, куда укладывалась приманка в виде тухлого мяса. Затем вся конструкция помещалась в место, где предполагалось обитание крабов. Животное забиралось в клетку и начинало поедать тухлятину, но так как этот процесс занимал достаточно длительное время, ловец возвращался через какое-то время к своей ловушке и вытягивал клетку, изымая незадачливого краба.

Льву были знакомые подобные приспособления, хотя он никогда и не жил на море. Ему доводилось видеть такую методику охоты ещё в детстве, когда он с родителями был на Чёрном море.

– Да, – протянул мужчина, рассматривая свою находку, от которой сильно воняло тухлятиной – похоже эту вот ловушку как раз оставили здесь в тот самый период.

Мужчина уже хотел отбросить ловушку в сторону за ненадобностью, но что-то его остановило. Он улыбнулся и вернул приспособление на своё место, после чего он осторожно спустился с волнореза и вернулся в свой дом.

Оказавшись в гостиной, Лев почувствовал себя сильно уставшим. Он не вполне понимал, что послужило причиной столь внезапной перемене в самочувствии, но теперь ему казалось, будто бы он весь день «отпахал» и ему как никогда хотелось поскорей упасть на диван и заснуть.

Не найдя достаточных причин, чтобы сопротивляться этой заманчивой идее, Лев фактически свалился на диван. Уже лёжа он заметил, что форточка окна, выходящего на берег так и не была закрыта. Собираясь подняться и исправить это упущение, мужчина в последний момент передумал, предпочтя позволить остаткам морского бриза наполнять гостиную своим ароматом.

Глава 2

Феликс вёл свой автомобиль, крепко вцепившись в рулевое колесо. От напряжения в руках мужчины, пластиковая конструкция грозила деформироваться, а так как это был так называемый «мульти-руль» на панель которого выводились многие важные функции управления органами автомобиля, поломка руля выводила из строя и всё транспортное средство целиком.

Чтобы нивелировать подобное травмирующее воздействие на свой недавно купленный автомобиль, Феликс закусывал нижнюю губу. В такие моменты, когда его раздражении пере-

ступало за допустимые пределы, верхняя пара резцов впивалась в нижнюю губу, боль была не сильной, но достаточной чтобы отрезвить мужчину и напомнить ему о необходимости самоконтроля.

Причиной такого настроения мужчины была его молодая невеста. Девушку звали Лиза, и она сидела на соседнем с водительским месте, демонстративно отвернувшись к окну, подперев небольшой, аккуратный подбородок с маленькой ямочкой и делая вид, будто её раздражение было не многим меньше. Лизе было только двадцать пять лет, и всю свою жизнь ей довелось прожить в родном регионе, в Калининградской области. Так складывалась её судьба, что по окончании школы, она покинула родительский дом, который стоял особняком вблизи посёлка Янтарное. Всё остальное время Лиза жила в региональной столице, получала образование, работала и как это часто бывает – строила свою собственную жизнь в соответствии с распространёнными представлениями о том, каковой должна быть женская доля в обществе.

Почти полтора года назад Лиза встретила Феликса, мужчина был на шесть лет старше девушки, он родился и вырос в Калининграде, но его работа позволяла ему активно разъезжать по стране.

Немногие знакомые Лизы не могли однозначно охарактеризовать её решение, когда она представила им Феликса. В глазах подруг Лизы Феликс выглядел как достойный кандидат на роль мужа, будучи прагматичным по своей природе человеком, добившемся внушительных результатов на своей работе и имевшим солидные карьерные перспективы. К тому же, не было никаких оснований полагать, что Феликсу была чужда необходимая для полноценных отношений романтичность. Мужчина не скупился на дорогие подарки для своей избранницы, преподнося ей то, что по его мнению являлось вещественным олицетворением «духа времени» в глазах молодой женщины. Сама Лиза принимала преподносимые дары без особого смущения, ведь она, в свою очередь, тоже не скупилась на собственные старания в том, чтобы сделать жизнь Феликса счастливой.

Со стороны эта пара выглядела как средне-статистическая современная пара влюблённых. Лиза была очень красива, благодаря комбинации своего роста и умения должным образом себя преподнести. Девушка ещё с подросткового возраста взяла за правило заботиться о себе, а природа, как казалось, дополняло всё остальное. У Лизы были не особо длинные светлые волосы, спадающие прямыми локонами ей на плечи. Большие выразительные глаза голубого цвета всегда заставляли окружающих присматриваться к Лизе, столь странным могло показаться на первый взгляд сочетание данных особенностей внешности. От природы стройная и высокая, Лиза умела правильно одеваться и всегда соответствовала условиям, в которых ей предстояло оказаться. Таким образом, где бы девушка не появлялась, внимание ей было обеспечено. Однако, помимо внешних особенностей, гораздо более примечательным оказывался её характер. В отличие от многих своих подруг, Лиза не расценивала внимание к себе как безусловное благо, справедливо полагая, что физическая привлекательность оставалось лишь приятным дополнением к другим особенностям личности. И вот эти особенности могли раскрываться только в присутствии очень ограниченного круга лиц, все остальные же, наталкивались на скупое равнодушие девушки к любым россыпям комплементов.

Феликс, в ментальном плане, был человеком совсем иного склада. Убеждённый материалист, он привык ставить во главу стола материальную выгоду и вещественные перспективы. Он никогда не скрывал, что в своей избраннице он видел прежде всего её внешнюю красоту, которую оценивал по совершенно специфической, разработанной лично им самим, градации.

Мужчина был на шесть лет старше своей двадцати-пяти летней избранницы, однако внешний вид самого Феликса не соответствовал тому, чего можно было бы ожидать от молодого мужчины его возраста. Природа изначально подарила Феликсу здоровье и внешнюю привлекательность, он был достаточно высокого роста, не плохо сложен. Но преподнесённый природой дар мужчина не ценил, или относился к нему совсем не так, как следовало бы. Феликс

никогда не занимался никаким видом спорта, относясь к спорту, как к явлению, пренебрежительно. Более того, когда будучи ещё юношей, Феликс сумел получить достаточную автономию от родительского попечения, он тут же пристрастился к табакокурению и дорогому алкоголю. Разумеется не могло идти и речи о алкоголизме, но по праздникам и тем событиям, которые Феликс считал за праздник, он с удовольствием прикладывался к дорогому виски или коньяку.

С годами, пока карьера Феликса постепенно «шла в гору», у мужчины появлялось всё больше поводов считать те или иные события – праздничными датами в его личной истории. К тридцати-одному году Феликс подошёл с хорошими предпосылками для набора лишнего веса, так как всяческое пренебрежение к тому, что называлось «здоровый образ жизни» и его сидячая работа, заложили необходимый фундамент для будущего ожирения по абдоминальному типу. Кроме того, за покатыми плечами Феликса оставался стаж курения длительностью в одиннадцать лет. Несколькими годами ранее мужчина стал замечать, что у него участились приступы кашля, а в межсезонье он стал часто заболеть бронхитом. Это побудило его наконец воспользоваться медицинской страховкой своего работодателя и пройти полное диагностическое обследование. В результате Феликс два вечера к ряду просидел дома за своим столом, бесконечно пробегая глазами по данным обследования. Разумеется, ни о каких серьёзных заболеваниях речи ещё идти не могло, однако у него был выявлен хронический трахеит, дегенерация бокаловидных клеток эпителия бронхов и серьёзные предпосылки к хроническому бронхиту. Помимо проблем со стороны дыхательной системы, врачи нашли у Феликса повышенный уровень холестерина. Уровень артериального давления находился в тех пределах, которые угрожали разговором с терапевтом о артериальной гипертензии первой степени. Все эти проблемы являлись предпосылками к будущим, гораздо более серьёзным проблемам и требовали от Феликса скорейшего принятия мер к действию.

Отец Феликса посоветовал сыну создать для самого себя такую ситуацию, в которой он будет вынужден придерживаться определённых норм и будет замотивирован работать над своим здоровьем. Феликс не мог представить себе ничего, что могло бы разжечь в нём пламя интереса ко всем тем вещам, которые он привык расценивать как второстепенные или же вообще не существенные. Но очень скоро в его жизни появилась Лиза.

Именно Феликс выступил инициатором знакомства и отношений с Лизой. Однако девушка, с самого начала, не ответила мужчине такой же пылкостью. Напротив, она относилась к жестам Феликса холодно, в её глазах он мало чем отличался от множества других мужчины, осыпавших её комплиментами и пытавшихся добиться её расположения яркими подарками. Однако, в отличие от многих других мужчин, которые быстро «остывали» после нескольких холодных отказов Лизы, Феликс напротив, лишь укреплялся в своей решимости добиться желаемого. Таков был его характер, который позволил ему добиваться внушительных результатов в профессиональной жизни. Феликс решил, что в вопросах отношений он сможет применить те же принципы, и они приведут его к тем-же результатам. Теперь он видел в неприступной красавице настоящий вызов.

Месяцами Феликс пытался преодолеть отстранённость девушки, но лучшее, чего ему удавалось достичь, оказывалось снисходительной улыбкой Лизы.

Сама же девушка, безусловно, отметила настойчивость Феликса. Его настойчивость и целеустремлённость, безусловно, выделяли его среди других мужчин, но ни то ни другое качество не представлялось Лизе чем-то, что могло бы заслужить её ответных чувств.

Так могло бы продолжаться до полного изнеможения эмоциональных и финансовых ресурсов Феликса, если бы не произошёл из ряда вон выходящий случай.

В один из летних выходных дней, зная, что Лиза с двумя своими подругами планировала встречу в городском парке, Феликс решился на отчаянные меры. Одна из Лизиних подруг была его коллегой, и эта девушка сочувствовала мужчине, наблюдая, как отчаянно он пытался добиться взаимности своего неприступного объекта вожделения. Девушка испытывала некото-

рые угрызения совести, когда поддаваясь на беспрестанные уговоры Феликса, всё же снабжала изнывающего ухажёра некоторыми сведениями, которые Феликс использовал чтобы спланировать очередной эффектный рейд в безнадежных попытках впечатлить Лизу.

В город летом часто приезжали различные творческие коллективы, дававшие живые представления под открытым небом и служившие дополнительной приманкой для туристов.

Феликс возник перед прогуливающимися девушками как из неоткуда. Разумеется, для одной из девушек его появление не стало такой уж неожиданностью. Феликс вежливо просил подруг Лизы позволить ему на непродолжительное время оставить его с девушкой наедине. Сама Лиза, к неприятному удивлению Феликса, была совершенно не в восторге от этого его «манёвра», но так как мужчина не намеривался отступить «без боя», она решила, что будет лучше, если она всё же позволит своему безнадежному дыхателю высказаться.

Феликс и Лиза некоторое время шли среди рядов шатров и прилавок. Вокруг было очень шумно, гул человеческих голосов, визг радостной детворы, и третьесортная музыка, изливающаяся из некачественных динамиков. Всё это, ни коим образом не способствовало деликатной беседе, которая должна была вот-вот состояться. Лиза намеривалась поставить все точки над «и», даже если бы ей пришлось позволить себе некоторую грубость. Девушка предложила Феликсу отойти чуть в сторону от основного скопления народа, а так как основная масса сконцентрировалась напротив самого большого и цветастого шатра, Феликс предложил просто обойти строение так, чтобы оказаться с его противоположной стороны. Разумеется, с противоположной стороны шатра шума было не многим меньше, но здесь точно не было лишних глаз и ушей, что предавало мужчине и девушке некоторую уверенность в том, что они собирались сказать друг другу. Проблема заключалась лишь в том, что смысл их заготовленных речей был диаметрально противоположным. Лиза могла видеть, как нервничал Феликс, очевидно понимая, что его очередная попытка лишь подвела черту под чередой предшествующих неудач.

Лиза перешла в наступление, как только ей представилась такая возможность. Она попросту не хотела, чтобы Феликс вновь начал умолять её дать ему шанс. Мужчина упрашивал девушку согласиться на одно единственное свидание с ним, на котором, как он утверждал, она изменила бы своё отношение к нему. Лиза же была настроена более чем решительно. Она конечно старалась высказать своё отношение таким образом, чтобы минимизировать возможный эмоциональный ущерб. Для Феликса эта форма «травмирования», судя по всему, была даже более опасной, чем физический вред.

Во время её речей, Феликс сперва пытался улучшить момент и вставить своё слово. Однако его аргументы блекли пред доводами Лизы, которые по своей твёрдости едва ли уступали булыжникам из старого бруствера «5-ого форта»

Тем не менее, разговору между молодыми людьми не суждено было состояться по неожиданной для каждого из них причине. В какой-то момент, когда Феликс в очередной раз попытался воспользоваться секундной запинкой Лизы в словах, девушка сделала характерный жест руками, призывавший мужчину замолчать. Однако Феликс не собирался молчать, он уверовал, что ему наконец-то удастся самому высказаться, но Лиза фактически закрыла ему рот ладонью. Мужчина отстранился на один шаг назад, высвобождаясь из-под руки Лизы. Он опешил от происходящего. Во всём его виде читался один единственный вопрос :

«— Что ты, чёрт возьми, делаешь?»

Но вместо того, чтобы ответить Феликсу, Лиза подошла к краю шатра и прислушалась. Чуть помедлив, мужчина последовал её примеру. Теперь ему стало ясно, что вдруг привлекло внимание девушки. Из-за шатра, сквозь шум людских голосов, доносились крики. Это был пронзительный женский голос, скорее всего принадлежавший ребёнку, и к нему примешивался высокий визг собаки. Над этими двумя фальцетами то и дело раздавался свирепый рёв, принадлежавший самому страшному зверю – человеку. Грубый мужской голос, принадлежавший либо освирепевшему, либо утратившему рассудок человеку, звучал короткими обрывками,

после которых слышались глухие удары какого-то предмета о что-то, что лишь усиливало визг животного и плачь ребёнка.

Лиза, словно позабыв про Феликса и их разговор, стремительными шагами двинулась вдоль стенки шатра в поисках входа. Мужчина попытался остановить девушку, выкрикнув несколько раз её имя, но поняв, что эта мера не возымеет никакого эффекта, он последовал за ней.

Лиза очень быстро отыскала скрытый от посетителей представления вход в шатёр, через который, очевидно, входили и выходили артисты. Юрко нырнув внутрь, девушка словно утонула в багровом свете, который образовывался из-за лучей яркого летнего солнца, проникающего внутрь шара через его красную материю. Внутри было душно и пахло всем, чем только могла пахнуть кочевая жизнь большого количества людей. Феликс оказался позади неё, он понимал, что Лиза была готова совершить ошибку, из-за которой ей могли грозить серьёзные проблемы, он успел ухватить её за руку, за правое предплечье. Таким образом, мужчина попытался остановить Лизу, но как только его ладонь легла на казавшуюся нежной, загорелую кожу, всю руку мужчины, от запястья и до плечевого сустава пронзила боль, на подобие той, что человек испытывает, когда по неосторожности соприкасается с изолированным источником электричества. Феликс отёрнул руку, но боль не сразу же покинула его, он ощущал, как отдельные мышечные волокна под его кожей сократились и не могли расслабиться.

Лиза обернулась и на мгновение остановилась, вперившись взглядом в Феликса. Она ничего не сказала, только покачала головой, как если бы совершенно не понимала, что делал мужчина. Затем девушка продолжила двигаться в направлении, откуда исходили детский плач и животные визги. Феликс, переведя дыхание, ринулся за ней. Сделав всего один поворот и пройдя через импровизированный коридор из двух, развешанных одна напротив другой занавесок, Лиза оказалась в небольшом пространстве, которое отводилось для каких-то хозяйственных нужд работникам представления. Но в настоящий момент именно здесь разыгрывалась настоящая драма, традиционная в своей банальности и всеми игнорируемая.

Самые громкие источники криков сидели на полу, как Феликс и предполагал, ими были маленькая девочка, лет пяти или шести и собака породы хаски. Над этими двумя, источающими вопли комочками возвышалась фигура мужчины, не особо высокого роста, но внушительного размера, в основном из-за его огромного живота, выпиравшего вперёд, огибаемого спереди двумя параллельными линиями потёртых подтяжек. В руке у мужчины был какой-то замысловатый предмет, который, по всей очевидности, он изготовил когда-то с весьма определёнными целями. Это был кусок текстолитовой палки среднего диаметра, обтянутый отрезком резинового шланга, что придавало гибкой конструкции внушительный вес. Этим своим орудием мужчина с размаху лупил по собаке, которая под его ударами уже была превращена в полу-живое месиво из переломанных костей, разорванных органов и массивных кровотечений, удерживаемых в шкуре, которая стала походить на теряющий форму мешок. Передние лапы животного сломались под ударами, и из правой лапы торчал обломок кости. Животное уже не закрывало пасть, его визг стихал, было ясно, что смерть была уже близко, но для несчастного создания это было скорее спасительным облегчением, чего нельзя было сказать о маленькой девочке, которая ошалела от страха. Она была испачкана в собачей крови, поскольку пыталась защитить животное от ударов. В наблюдаемой ситуации не было понятно, не пострадал ли ребёнок.

Ещё одним участником этой сцены была женщина, по её внешнему виду невозможно было определить её возраст. Она, несомненно, тоже была одной из артисток труппы. В данный момент она была одета в яркого цвета халат, перетянутый на талии кожаным поясом. Судя по оформлению её одежды и сопутствующим атрибутам, бижутерии, макияжу, ногтям на руках, эта женщина играла в труппе популярную роль местного экстрасенса, предсказывающего будущее, читающего карму и выполняющая прочие «экстрасенсорные» трюки за деньги посетителей.

По всей очевидности, эта женщина имела определённое родство с визжащим ребёнком и садистом-мужчиной, так, по крайней мере, показалось Феликсу, когда мужчина оценил обстановку. Женщина трёхэтажным матом крыла мужчину, её голос звучал грубо, хрипло, как если бы она всю свою жизнь курила и теперь находилась близка к трахеотомии. Эта женщина по переменке отпускала свои экспрессивные, нецензурные реплики то девочке на полу, то мужчине с палкой. От мужчины она требовала, чтобы тот прекратил «балаган», а от ребёнка, чтобы та «завалила хайло»

Когда мужчина в очередной раз занёс руку со своим орудием над животным, Феликс смог увидеть, что то, что казалось ему прежде длинным, обтягивающим рукавом, на самом деле было сплошной татуировкой на руках мужчины. Единый, слитый в одну композицию узор состоял из различных черепов, пауков, демонов, свастик различной модификации.

С каждой секундой Феликс лишь утверждался в своём предположении, что с этим человеком диалог невозможен. Однако, руке с дубиной уже не суждено было опуститься в очередном ударе. Лиза произнесла какое-то слово, либо из-за страха, либо в силу растерянности, сказано оно было едва слышно. Но обезумевший от злости мужчина замер и сделав пол оборота, посмотрел на Лизу. В этот момент, пользуясь возможностью, девочка на полу прильнула к телу практически испутившего дух животного. У ребёнка сорвался голос, и теперь она беззвучно рыдала.

Женщина-экстрасенс тоже замолкла, уставившись на Лизу. Наконец, мужчина с занесённой дубиной сплюнул на пол перед собой и спросил:

– Ты ещё что за стерлядь?

– Опusti палку. – проговорила в ответ Лиза, теперь её голос звучал заметно громче, но в нём не было никакой повелительной интонации.

– Тебя кто сюда впустил, соплячка? – хриплым голосом проговорила женщина-экстрасенс – Здесь только артисты могут находиться. Хочешь, чтобы тебя вышвырнули?

Однако Лиза не обращала никакого внимания на женщину, она смотрела на мужчину, который продолжал удерживать своё орудие. Феликс понимал, что этот психопат, если бы принял соответствующее решение, смог бы прямо сейчас опустить дубину на голову девушке, и скорее всего одного единственного удара хватило бы, чтобы убить Лизу.

– Опusti. – повторила Лиза, тем же голосом, той же интонацией.

Феликс не поверил своим глазам, когда в следующий же миг рука мужчины опала и повисла плетью вдоль его туловища. Его ладонь раскрылась и палка выпала сама собой. Мужчина недоумевающе поглядел на свою ладонь, словно та перестала быть частью его собственного тела.

Мужчина перевёл взгляд на Лизу, одновременно он словно восстановил контроль над ладонью и несколько раз сильно сжал и расслабил пальцы. Ему определённо хотелось что-то сказать Лизе, но в своём скудном словарном запасе он не находил нужных слов. В таких ситуациях, насколько об этом можно было судить со стороны, этот человек прибегал к более доступным и менее «интеллектуально-затратным» действиям.

У Феликса не было никаких сомнений, мужчина был готов вот-вот ударить Лизу, действуя голыми руками. Когда мужчина уже успел схватить левой рукой Лизу за плечо, ширина его ладони позволила ему легко охватить плечо девушки целиком, Феликс ринулся на безумца призыв инстинкты самосохранения. Используя силу разбега и свои собственные силы, мужчина уподобляясь тарану, влетел ногой в большущий живот садиста. Это заставило того выпустить Лизу из своей хватки и отойти на два шага назад, не более того. Феликс попытался загородить девушку, встав между ней и здоровяком, приняв защитную стойку, ну или то, как он себе это представлял. Однако, садист не на шутку взъярился. Он издал крик, который имел мало общего с человеческим. Затем он схватил Феликса за его выставленные перед собой,

сжатые в кулаки руки. Интуиция подсказала Феликсу, что должно было произойти в следующий момент. Здоровяк намеривался воспользоваться своей головой, чтобы расколотить лицо Феликсу. Мужчина успел наклонить голову вперёд, чтобы спасти от перелома нос. Но первый же удар дубовой, лысой головой оказался настолько сильным, что буквально оглушил его. Когда прилетел второй удар, Феликс почувствовал, как земля стала выходить у него из-под ног. Третий удар, такая мысль пронеслась в уме у Феликса, должен был «выключить свет», однако вопросом оставалось то, выключился бы свет навсегда или на определённое время. Однако третьего удара так и не последовало. Феликс ощутил, как ослабла хватка рук здоровяка, и в следующий момент оба мужчины повалились на землю. Феликс осел, ища руками опору, а здоровяк упал навзничь.

Сквозь пелену забвения, Феликс мог слышать лишь отголоски нарастающего шума. Это был возобновившийся хриплый крик женщины-экстрасенса и усилившийся плач девочки, лежащей поверх трупа своего животного. Феликс отметил, что собаке наконец таки удалось сбежать из царящего безумия и прекратить собственные страдания, эта нелепая на первый взгляд мысль подарила ему какое-то облегчение. Он перебирал руками и ногами, не в силах подняться. Наконец ему удалось нащупать спиной стенку шатра и навалиться на неё. Теперь, сквозь помрачение и головокружение, он видел, как в помещение вбежали люди, судя по их униформе, это были сотрудники службы безопасности парка.

Двое из них склонились над лежащим здоровяком. Тот, тем временем, перебирал руками, как будто пытаясь что-то нащупать на своей груди, его огромная грудная клетка понималась и опускалась с большой частотой.

Один сотрудник оказался рядом с Лизой, ещё один пытался успокоить орущую женщину-экстрасенса, которая изо всех сил вопила, будто бы Лиза убила её мужа.

Последним, что увидел Феликс до того, как потерял сознание, было то, как двое сотрудников начали оказывать помощь здоровяку. Один их мужчин в форме крикнул:

«— У этого похоже сердечный приступ, зовите медиков! Быстрее!»

Затем, наиболее умелые сотрудники отвели в стороны линии подтяжек здоровяка и не церемонясь, разорвали на нём его засаленную футболку. Оказалось, что татуировки не ограничивались одними только руками. Всё туловище здоровяка было покрыто месивом из татуировок и наколок. Огромный, татуированный живот теперь напоминал воздымающуюся и опускающуюся гору, с вулканическим кратером в виде пупка. На самой груди мужчины, помимо прочих татуировок, была такая, которая изображала три, расположенные один за другим, профиля. Это были выполненные абсолютно неумелым, в художественном отношении, мастером профили трёх знаковых фигур в истории России, сформировавших современную страну и её общество – Ленин, Сталин и Путин, причём первый и последний имели до боли похожие друг на друга черты, в то время как профиль Сталина, из-за странно-изображённых усов, подозрительно походил на своего главного исторического антипода.

Сотрудники преступали к непрямому массажу сердца, к процедуре, в отношении которой они располагали только некоторой теоретической информацией. Поэтому самый бойкий сотрудник возложил сложенные вместе ладони как раз на один из профилей «вождей» и в следующий миг была сделана первая компрессия, сопровождаемая характерным звуком переламываемых рёбер.

В этот самый момент Феликс потерял сознание.

Приходя в себя, мужчина обнаружил, что он очень хорошо помнил о событиях, предшествовавших его потере сознания. Он находился в неудобной постели, которая ужасно скрипела при малейшем движении. Осмотревшись, он понял, что находился в бюджетном лечебном учреждении, скорее всего в приёмном покое. У него болела голова и сохранялось лёгкое головокружение, подоспевший дежурный врач объяснил Феликсу, что с ним всё в порядке,

просто сотрясение, но не было никаких серьёзных травм. Затем, к мужчине подоспел сотрудник полиции. С его появлением Феликс тут же понял, что его опасения подтверждались, случившееся в шатре в парке грозило вылиться на него и Лизу проблемами правового характера. Однако, после непродолжительной беседы с сотрудником полиции, который намеривался взять у Феликса объяснительную относительно произошедшего, стало ясно, что опасения были преждевременными.

Мужчина, котный причинил Феликсу сотрясение, уже был неоднократно судим за причинение тяжких телесных повреждений. Для следователей не стало неожиданностью, что он вновь попал в подобную историю.

«– Ну, это был его, так сказать, финальный аккорд» – заявил полицейский прапорщик.

Поймав недоумевающий взгляд Феликса, полицейский поспешил пояснить, что мужчина-садист скончался ещё до прибытия скорой помощи. Вскрытие только предстояло, но врачи единогласно сошлись на остром инфаркте миокарда. Что, конечно же, было странным, ведь все медицинские освидетельствования, что его заставляли проходить пока он работал с труппой артистов, не выявляли у него никаких проблем с сердцем.

«– Но это впоследствии всё прояснится. У нас теперь работа с его дурной бабой» – говорил не в меру болтливый, очевидно испытывающий дефицит в общении, прапорщик – «Она алкоголичка, тоже работает в труппе. Она теперь утверждает, что ваша девушка убила этого её сожителя»

Феликс обомлел не от беспочвенного обвинения, а от того, что незнакомый человек вдруг назвал Лизу его девушкой. Такая, незаметная, на первый взгляд, вещь, возымела на мужчину самый позитивный эффект.

Полицейский посоветовал не о чём не волноваться, сказав, что со всех участников происшествия объяснения были уже получены, и теперь для Феликса и «его девушки» эта история вроде как заканчивалась.

Феликс беспокоился о своей работе, поскольку впереди оставался только один выходной день, а чувствовал он себя из рук вон плохо. Обзванивая своих коллег, он уведомлял их о том, что ещё как минимум два дня он не сможет выйти на работу. Не то, чтобы работа без Феликса останавливалась, просто это было полнейшей неожиданностью, что всем известный карьерист вдруг брал выходные за свой счёт.

Сам Феликс переживал это обстоятельство, должно быть, болезненней, чем своё физическое состояние. Но уже вечером все его личные переживания ушли на второй план, когда на пороге палаты появилась Лиза.

Девушка была как ни в чём ни бывало, светила лёгкой, даже воздушной улыбкой. Безо всяких лишних церемоний она вошла в палату и к огромному удивлению Феликса, обняла его. Затем последовал долгий разговор, первая часть которого касалась происшествия. Лиза словно и думать забыла о ужасной сцене с убиваемой собакой, о смерти самого изверга и о обвинениях его умалишённой жены, вместо всего этого девушка рассказывала про несчастную девочку.

«– Да ясно понятно, что девчонка уже столько всего пережила, что ей и не отделаться от всего этого» – рассуждала Лиза, и одновременно делясь с Феликсом своими мыслями – «Я в полиции была, они заставили дать объяснения, с нашей стороны...»

Феликс слушал девушку как замороженный, как если бы он сам и не являлся участником описываемых ею событий. И он ощущал, как всё внутри него наполнялось теплом всякий раз, когда Лиза употребляла слова типа «нас»

– Я всё объяснила, как есть. Что и как случилось, как мы там оказались и что пытались сделать. Я постаралась как можно красочней им описать то, что мы увидели, ну я имею в виду то, как этот ублюдок убивал собаку. Я очень надеялась, что девчонку отнимут у этой так называемой матери.

Феликс соглашался, и не столько потому, что всецело поддерживал каждый довод Лизы, сколько потому, что понимал, его попытка заслужить расположение девушки обернулась таким успехом, на который он ещё утром не мог и рассчитывать.

– Сейчас они ребёнка отдали в группу при попечительском совете, затем будут искать ближайших родственников и если таковых не найдётся, разместят её в местном дед-доме. Там тоже, конечно, не сахар, но это всяко лучше чем её свихнувшаяся мамаша.

Энергичность Лизы заставляла Феликса позабыть про сотрясение и вообще, про все последствия его противоборства с уже покойным садистом.

– Ты же в курсе, что она обвиняет тебя в том, что это якобы ты убила этого психа? – спросил Феликс, и это явно должен был быть риторический вопрос. Однако Лиза посмотрела на Феликса очень серьёзно. Внезапно, под взглядом её больших, голубых глаз, мужчина почувствовал, как его кровь стынет в жилах, но никакого явного объяснения этому феномену не было.

– Каждый имеет право на своё мнение. – в конце концов проговорила Лиза – И ты и она.

– Ну я надеюсь, – возразил Феликс – ты не собираешься ставить меня в один ряд с этой психопаткой?

Сказав это, мужчина застыл на мгновение, понимая, что он не знал, какого ответа стоило ожидать от девушки. На этот раз Лиза не заставила себя долго ждать с ответной репликой.

– Ты извини меня. – ответила Лиза, положив свою руку мужчине на предплечье – Я честно, не ожидала, что ты способен на то, что ты там сделал.

Феликс не нашёл что ответить, он вовсе не расценивал свой поступок как что-то достойное похвалы, но от «такой» похвалы, он попросту не посмел отказаться.

– Да я просто понял, что он был готов тебя ударить. Да любой на моём месте...

Закончить свою реплику Феликс не успел, Лиза осторожно поцеловала его в щёку, под левым глазом, и вместе с приятным ощущением нежности, мужчина ощутил болезненность прикосновения, вспомнив про образовавшиеся под глазами синяки.

– Если бы не ты, – отвечал Феликс – я бы вообще там не оказался, и с ребёнком с этим могло случиться всё, что угодно. Так что здесь целиком твоя...

– Перестань уже. – по-доброму и без излишней строгости произнесла Лиза, лишив мужчину способности противиться её просьбе.

– По поводу той психопатки с её обвинениями я не переживаю, и ты не волнуйся. – Лиза вскинула руками, как если бы говорила о чём-то совершенно обыденном, не заслуживающим внимания.

– Мне так кажется, – добавила девушка после непродолжительной паузы – эта несчастная скоро захлебнётся своими обвинениями.

Это было сказано всё тем же непринуждённым тоном, тем же мелодичным голосом и с той же интонацией, однако Феликс почувствовал во всём этом нечто такое, что на тонком ассоциативном уровне напоминало холодный морской бриз ранним зимним утром, который несмотря на кажущуюся деликатность, оказывается способным пронизывать до костей тех, кто с ним сталкивается на берегу.

С того самого дня, Феликс и Лиза стали встречаться, и между ними возникло то, что мужчина называл пресловутым термином «отношения» К собственному удивлению, Феликс проснулся на следующее утро не обнаружив никаких признаков полученной травмы. Он чувствовал себя выспавшимся, как если бы у него и не было никакого сотрясения. Несколькими часами позже, убедившись, что парадоксальное исцеление не носило фантомный характер, мужчина позвонил на работу и сообщил, что его выходные отменяются. А ещё пару часов спустя, Феликсу стало известно, что женщина-экстрасенс, которую отпустили обратно к своей трупке, поскольку у полиции не было никаких оснований задерживать её, была найдена мёрт-

вой в своей уборной. По словам прибывших экспертов, смерть не носила насильственного характера, по необъяснимым причинам, женщина умерла от асфиксии.

Феликс вскоре привык к некоторым особенностям Лизы, в частности, он уже не реагировал, как кролик на удава, всякий раз, когда девушка говорила что-то такое, что могло показаться иносказательным или двусмысленным. Не без удивления мужчина обнаружил, что у его возлюбленной практически не было друзей. Несколькими подругами, знавшими Лизу с детства, ограничивался круг знакомств девушки. Эта особенность была воспринята Феликсом как безусловное преимущество, как и то обстоятельство, что Лиза практически не поддерживала связи со своими родителями. Разумеется, мужчина вскоре узнал, что отец и мать Лизы жили в своём собственном доме, недалеко от посёлка Янтарное, где и выросла девушка, однако сама Лиза никогда не звонила родителям и встречала «в штыхы» любые попытки Феликса завести разговор на эту тему. Мужчина не был принципиальным в этих вопросах, но с какого-то момента ему сделалось очень любопытно, чем объяснялись такие необычные отношения его возлюбленной с остальным миром.

Иногда, всё же, девушке приходилось обмолвиться парой слов о своих родителях и своём детстве, и Феликс не находил в этих фрагментах истории ничего, что могло бы указывать на «тяжёлое детство». И хотя Лиза недвусмысленно дала понять, что тема её детства и родителей являлась табуированной для обсуждения, Феликс не мог так просто отказаться от своего природного любопытства и стремления во всех вопросах располагать полным объёмом информации. Для того, чтобы преодолеть образовавшийся «вакуум», мужчина решил попытаться удачу среди Лизиных подруг. Таковых было всего три, и лишь с одной из девушек Лиза была по настоящему близка. Девушка представлялась Селеной и Феликс не был до конца уверен, было ли это её настоящее имя. Селена родилась и выросла в Янтарном, но в отличие от Лизы, она и её родители жили не на отшибе у моря, а в самом посёлке, не выбиваясь за пределы общественного конгломерата. С Лизой она познакомилась уже в школе. Насколько понял Феликс из рассказа Селены, с ранних лет Лиза не находила вокруг себя широкого внимания. Другие дети держались от неё на расстоянии, поскольку их родители периодически поучали их, что с Лизой нельзя было водиться.

– В детской среде все подобные отношения на много проще и примитивнее, – рассказывала всего единожды Селена – дети перенимали тот поведенческий паттерн, что им демонстрировали их родители. А родители многих детей в той школе, где мы учились, не объясняли своим отпрыскам первопричин. Они просто давали детям назидания, от кого нужно было держаться подальше. И как ни странно, в нашей школе, среди тех, кого родители советовали остерегаться, были «незнакомые дяденьки», сотрудники милиции, добродушные люди, предлагающие у них что-то взять и Лиза. Причём трудно было сказать, кого из названных персонажей родители опасались больше всего.

– Ну должны же были быть какие-то веские причины для такого отношения? – настаивал Феликс, стараясь не казаться чрез шур навязчивым, понимая, что кроме Селены ему уже никто не смог бы рассказать таких подробностей.

– Говорили иногда, – затагнула девушка, отводя взгляд в сторону – всякую ерунду, непотребство. И может от того, что времена тогда были другие, не было ни интернета, ни более-менее функционирующих надзорных органов, люди гораздо легче верили, чем теперь.

– Верили? – недоумевал Феликс – Во что? В бога?

Селена посмотрела на мужчину, улыбнулась ему. Феликс знал, что ещё с тех пор как он подобно рыбе, бился о лёд Лизиной неприступности, Селена относилась к нему с некоторой добротой, возможно полагая, что он был человеком, который мог бы сблизиться с Лизой и хотя-бы отчасти расширить столь замкнутый круг её связей с внешним миром.

– Однажды, – начала рассказывать Селена, очевидно полагая, что пример сможет возыметь лучшее разъясняющее воздействие – когда мы были в классе так в восьмом, два наших класса повезли на экскурсию. Это была программа ознакомления подростков с основами хозяйственной жизни региона, что-то вроде эконом-просветительской работы с подрастающим поколением. У нас там как раз появилось частное фермерское хозяйство, после того как несколько предпринимателей объединили свои дворы и диверсифицировали производство. Получилась такая полу-европейская ферма с животными, парниками, полями, выглядело совсем не плохо, но разве подросткам это интересно? Все сперва слушали тематическую часть, затем нас водили по наиболее интересным объектам фермы, затем предполагалось предоставить нам некоторое время просто прогуляться вокруг, осмотреться и мы уже должны были отправляться назад в город. Конечно, для нас тогда мало что представляло интерес, и разве что обилие животных, могло позабавить наше внимание. Мы ходили рядом с изгородями и гладили телят, коров, овец. Работниками скотного двора были в основном недалёкие люди из крестьян, которые когда-то держали животных, но алкоголь и безнадёга сделали своё дело. Теперь же, некоторые из таких нашли рабочие места на организованной ферме. Здесь они делали то, что умели, и им за это платили деньги. Но психология остаётся психологией, эти люди испытывали практически врождённую ненависть к владельцам фермы, к животным, к приезжим и друг к другу. Можно было видеть, как некоторые такие работники постоянно матюгались, пинали и били животных, вели себя именно так, как диктовала им их природа. Лиза всегда отличалась каким-то патологическим чувством справедливости. Она не могла пройти мимо даже самого незначительного скотства, чтобы не позволить себе хотя-бы просто отпустить в адрес такого человека злую, едкую шутку. Она никогда ни с кем не ругалась, не вступала в громкую полемику. Но для неё не существовало авторитетов даже в полу-закрытом, жёстком сообществе детей-подростков, иногда столь близком по своей психологии к обезьяньей стае.

Феликс, который знал Лизу только как уже взрослую девушку, прекрасно понимал, о чём ему говорила Селена, с каждым словом ему становилось всё интересней слушать, и он даже не перебивал собеседницу, только периодически кивал головой, обнаруживая соответствия её утверждений его наблюдениям.

– Среди работников была женщина, беременная, она выполняла роль, которую сегодня бы назвали «супервайзер», контролируя работу других и не позволяя процессу простаивать. В принципе, от её работы зависела кормёжка животных, их выгул, чистка стойл и много чего ещё, связанного с домашним скотом. То ли от нечего делать, то ли в силу собственной общительности, эта женщина, заметив нас с Лизой, присела нам на уши, став объяснять, какими женщины были в её молодости и во что они превратились теперь. Причинно-следственной связью эта женщина называла простоту современной жизни, отсутствие необходимости выполнять тяжёлую, грязную работу. Мы не очень то охотно откликались на её реплики, предпочитая дать женщине понять, что в нашем лице она не найдёт хороших собеседников, однако у неё был собственный взгляд на это. Она не унималась, расспрашивая нас о том, какими мы видим будущих мужей, какими видим себя. Когда и эта тема прошла краем, женщина заявила, что нам не стоило бы успевать довольствоваться тем, что нам дала природа, пока жизнь не распорядилась иначе. Она имела в виду, что женщину, при любом раскладе ожидало одно из двух, либо она найдёт себе «мужа-стахановца» и будет его обстирывать, периодически рожая детей, либо она никого не найдёт и будет сама до окончания дней работать там где придётся, потому что мир принадлежит мужчинам и женщинам в нём отведена лишь эпизодическая роль. Вот тогда Лиза в очередной раз проявила свой характер и подшутила над женщиной, сказав, что у таких как она всегда остаётся ещё и «третий путь», будучи в силу своей дурноты оставленной даже самым замшелым деревенским дураком. Разумеется такой выпад произвёл впечатление на некоторых из наших одноклассников, находившихся неподалёку, дети не могли проигнорировать подобное и зашлись громким смехом, чем ещё сильнее уязвили женщину. Но вот,

что действительно отличало тамошних людей, так это их характер. Уязвлённость женщины выразилась в том, что она, несмотря на свою бочкообразную фигуру, находясь уже не приличном сроке, подскочила к Лизе и с размаху отвесила ей пощёчину. Всё это действие сопровождалось чернейшей бранью. Школьники замерли в изумлении, а вот Лиза, которая даже глазом не моргнула, рассмеялась. Это был короткий, лёгкий смех, казавшийся таким неуместным в данной ситуации, что женщина опешила, отступив от Лизы. Неизвестно, чем бы закончилось дело, но откуда ни возьмись появилась наш преподаватель и экскурсовод. Они, скорее всего не видели, что только что произошло, но почему-то остались на почтительном удалении от Лизы и напомнили всем, что нужно было собраться в новом ангаре, отведённом под коровник с автоматизированной системой доения. Нам хотели показать, как высокие технологии, применённые к традиционным ремёслам, увеличивали производительность труда. Беременная женщина словно и не слышала слов подоспевших учителя и экскурсовода, она не могла перестать смотреть на Лизу, а та, в свою очередь, одаривала грубиянку едва заметной улыбкой.

– Что случилось потом? – не выдержал и спросил Феликс, отчего-то ему казалось, что у всей этой истории должен был быть особый финал, благодаря чему Селена продолжала хранить столь яркие воспоминания о случившемся спустя столько лет.

– Нас собрали в ангаре, там было чисто, практически отсутствовал естественный запах животных, потому как пространство ионизировалось мощными установками. Животных, дойных коров, заводили через специальные загоны так, что они выстраивались в ряды. Коров было много, они издавали немало шума, но всё происходящее ни на миг не утрачивало ощущения систематизированного подхода. Наконец были установлены линии аппаратов автоматического сдаивания молока. Человек в белом халате, инженер, пытался как можно более доступно объяснить нам принцип работы этих устройств. Он надеялся, что на нас произведёт впечатление вся та технологичность процесса, которая теперь использовалась, чтобы сдаивать молоко. Инженер приводил какие-то цифры, объяснял, сколько времени и сил требовалось доярке в минувшие дни, чтобы сдоить молоко с одного животного и насколько эффективно работали механизмы, экономящие время и получаемый продукт. Когда восхищённый своими машинами инженер наконец закончил тираду, он сделал рукой жест, означавши, что пришло время запускать аппараты. Та самая беременная женщина, с которой десятью минутами ранее произошла стычка, вскрыла предохранительный кожух на стене и нажала на рубильник. Пространство наполнилось звуком работающих аппаратов, это был довольно деликатный, по техническим меркам, шум, молоко стало сцеживаться по системам транспортных трубок в общие резервуары, снабжённые датчиками, показания от которых выводились на монитор. За этими показаниями следили инженер и его помощник. В какой-то момент помощник инженера, одетый в такой-же белый халат молодой человек, одёрнул специалиста и подозвал к приборной панели. Мы все могли видеть, как мужчины что-то оживлённо обсуждали в течение считанных секунд, затем инженер буквально оттолкнул своего помощника и принялся жестикулировать беременной женщине на помосте, чтобы та остановила работу механизмов. Но женщина не могла поверить своим глазам, очевидно, такого ещё никогда не случалось, она медлила, опасаясь, что неверно понимала жесты инженера. Молодой специалист устремился на помост, где находился пусковой рубильник. Оказавшись подле женщины, он отстранил её в сторону, и выставил пусковой механизм в обратное положение, тем самым останавливая работу приборов. Наши учителя уже всю роптали, а мы заметно оживились и с интересом наблюдали за происходящим. Наконец инженер, прошедший к принимающей молоко цистерне, приоткрыл смотровое окно, обнажающее прозрачную стеклянную панель через которую можно было увидеть содержимое сосуда. Мужчина выругался и обомлел. Подоспевший помощник отреагировал тем же образом. Одна из наших учителей, уже довольно пожилая женщина, будучи по своей натуре богобоязненным, религиозным человеком, прикрыла одной рукой себе рот, чтобы окружающие не слышали как с её уст стала срываться молитва, второй рукой она стала креститься. В цистерне

находилась немного вспененная, розовая масса. В молоке была кровь. В молоке сразу от сотни животных была кровь.

Селена пристально посмотрела на Феликса, будто бы оценивая его реакцию, пытаясь понять, стоило ли ей продолжать рассказ, или мужчина больше не хотел ничего об этом слышать. Однако Феликс был явно под впечатлением, он неосознанно сложил руки на груди, пытаясь тем самым казаться более сдержанным, чем он был на самом деле в данный момент.

– Что это такое могло быть? – спросил Феликс, глядя Селене в глаза, выказывая искреннюю заинтересованность.

– Инженер и помощник не знали, что и думать. Их система попросту исключала травмирование вымени коров, и уж тем более речь не могла идти сразу о таком количестве животных, в чьём удое кровь была обнаружена. Инженер не знал куда деть собственные глаза, потому что наш экскурсовод, да и преподаватели, все как один, уставились на него вопрошающе, ожидая объяснений, чего угодно чтобы нивелировать эффект от увиденного. Но первым, кто решился прояснить всем ситуацию, оказалась та самая беременная женщина. При виде содержимого цистерны её глаза расширились, лицо исказилось от страха, она приблизилась к нам и стала кого-то искать. Было понятно, что женщина пыталась отыскать среди прочих учеников Лизу, и ей не потребовалось много времени, чтобы сделать это. Лиза и я стояли чуть в стороне от других, но если я была заморожена видом содержимого цистерны, то Лиза смотрела на свою недавнюю обидчицу, на её лице вновь появилась та самая едва заметная улыбка. Женщина не стала сдерживаться в эмоциях, отыскав Лизу, она во всеуслышание завопила, указывая на неё пальцем. В своих истеричных воплях женщина назвала Лизу каким-то совершенно непонятным словом, которое, тем не мене, надолго врезалось мне в память. Она назвала Лизу «Лаума»

Феликс повторил это слова, сомневаясь, правильно ли он его расслышал, но Селена как будто не заметила этого и продолжала рассказывать.

– Женщина кричала, жестикулировала, утверждала, что никому нельзя находиться рядом с Лизой и что её нужно прогнать. Это всё выглядело как полнейшее помешательство. Инженер и его помощник, очевидно, позабыли про кровавое молоко, и вызвали подмогу, чтобы утихомирить беснующуюся женщину. Это оказалось правильным решением, в своём приступе безумия, та не понимала что творила. Нас всех по-быстрому собрали и рассадили по автобусам. Экскурсовод не переставала извиняться перед преподавателями, которым и дело не было до её извинений, им хотелось как можно скорее уехать с фермы, оставляя позади как пережитый инцидент с женщиной, так и не стирающийся из памяти образ кровавого удою. Я, как и обычно, села рядом с Лизой, но вокруг нас образовалась совершенно явная пустота. Другие школьники то и дело смотрели на нас, и это были взгляды полные страха и иногда – ненависти.

– Представляю, каково вам пришлось. – отозвался Феликс, испытывая желание ободрить собеседницу, но та нисколько в этом не нуждалась.

Рассказывая эту удивительную историю, девушка испытывала волнение, связанное скорее с самой сутью необъяснимого происшествия, нежели со страхом.

– Для меня самое неприятное началось только спустя несколько дней после этой экскурсии. – продолжала Селена – Мои родители никогда не отличались ни религиозностью ни склонностью к суевериям, однако они попросили меня с ними серьёзно поговорить. Разговор зашёл именно про случившееся на экскурсии и про Лизу. Ничего конкретного сказано не было, но моя мать спросила меня, была ли я до конца уверена, что общение с Лизой шло мне на пользу. Когда я уточнила, что мама имела в виду, уже мой отец спросил, была ли я уверена, что моё общение с Лизой было безопасным для меня. Я категорически отказывалась понимать подобные инсинуации и уже намеривалась прекратить эту беседу, когда моя мать вдруг сорвалась и впервые за несколько лет повысила на меня голос. Причина была в нашем завуче, той самой пожилой религиозной даме. Она провела внеочередное родительское собрание по поводу случившегося, приглашены были все родители, кроме родителей Лизы. Я не знаю, что она там

наговорила, но после того собрания, вокруг Лизы и её семьи окончательно установилась социальная отчуждённость. С Лизой практически никто не разговаривал, преподаватели вели себя на уроках так, как если бы её вовсе не существовало.

– Отвратительно! – выругался Феликс, последние обстоятельства, которые он узнал, показались ему чудовищным проявлением средневекового невежества – А что только этим ограничились? Может ещё инквизиционный процесс, ордалия?

Селена смотрела на мужчину, не вполне понимая, о чём он говорит. Очевидно, девушка просто не обладала достаточными познаниями в области средневекового судилища и истории инквизиционных процессов. Однако Селена была достаточно умна, чтобы понять аналогии, которые пытался провести Феликс, она не решалась произносить некоторые мысли вслух, и не хотела слышать их от своего собеседника.

– Несколькими месяцами позже, – чуть отвернувшись в сторону, Селена продолжила рассказывать – наша завуч поехала на ту самую ферму. Об этом никто не знал, пока она не вернулась и не собрала ещё одно внеочередное собрание, на котором присутствовали учителя и родители школьников нашего класса. К моему счастью, на этом собрании присутствовал мой отец, а не мать, и впоследствии, я говорила с отцом наедине. Завуч рассказала, что та самая беременная женщина, которая обвиняла Лизу, наконец родила. Ребёнок оказался болезненным, но в целом, жизнеспособным. Прошло уже какое-то время, и женщина с ребёнком вернулась к себе домой. Она была не замужем, но проживала с каким-то мужчиной, сожителем, судя по всему. Однако ребёнок, которого она родила, был от другого мужчины, но в этом не было никакого секрета. Так вот, по прошествии двух месяцев, когда младенец уже пошёл на поправку, произошло странное событие. Женщина работала в ночную смену на ферме, она не пребывала в отпуске по уходу, поскольку её сожитель не имел работы и часто по многу пил, не покидая квартиры. Ребёнок оставался с мужчиной, но женщина договаривалась со своей соседкой, чтобы та присматривала за обоими и в случае чего тут же звонила ей на работу. Вернувшись под утро со смены, женщина не нашла ребёнка. В кровати вместо двухмесячного младенца женщина обнаружила плотно связанный сноп соломы.

Феликс, успевший мысленно дать себе слово, что впредь он будет стараться сдержанней реагировать на какие бы то ни было подробности, вновь не смог сдержать своих эмоций. Однако, на этот раз, ему не нашлось что сказать, он лишь раскрыл рот в немом вопросе, его глаза расширились от удивления.

– Да, понимаю тебя. – ответила Селена, прочитав во взгляде Феликса его недоумение – Самым странным было то, что сноп соломы был сплетён таким образом, чтобы по своей форме напоминать тельце младенца.

– Что произошло дальше? – таким был единственный вопрос, который задал Феликс.

– Дальше, – Селена вновь отвела глаза в сторону, словно подбирая слова для объяснения какого-то деликатного момента – если верить нашему завучу, то женщина вновь поддавалась приступу безумия. Она рыдала, билась в истерике, её пьяный сожитель был не в силах её успокоить. Соседка, прибывшая на шум, тоже не смогла успокоить женщину. Пришлось вызывать милицию. Ещё до прибытия сотрудников, женщина взяла кухонный нож и угрожая зарезать любого, кто решился бы к ней приблизиться, она подошла к кровати. Вынув оттуда сноп, она уложила его на подоконник и несколькими неточными ударами отсекла соломенной фигурке то, что изображало голову младенца. Соседка, находившаяся всё это время в комнате и наблюдавшая за происходящим, позже рассказывала уже прибывшим сотрудникам, что не могла быть уверена, после того как женщина отсекла ножом голову соломенной «кукле», чья кровь осталась на подоконнике, но никаких порезов на руке женщины найдено не было.

Феликс молчал, медленно переваривая в мыслях услышанное.

– Последние два школьных года Лиза практически не посещала занятий. Она занималась на дому, брала задания и план освоения материалов у учителей. Школа охотно пошла на

данную меру, поскольку это в некотором роде решало их репетиционную проблему, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Мужчина посмотрел на собеседницу и медленно произнёс:

– Извини конечно, но я не понимаю...

– Лизу бойкотировали все, с ней не разговаривали, её избегали, это всё она переносила с невероятной стойкостью. Но после того, как завуч рассказала о произошедшем с работницей фермы, чаша терпения в посёлке была переполнена. На самой последней парте, за которой сидела Лиза, появились яркие надписи «ведьма». На стенах школы, рядом с входной группой, кто-то вывел большими белыми буквами «здесь обитает ведьма». Напряжённость была ощутима в самом воздухе, игнорировать такое положение дел было уже невозможно. Я сильно волновалась за Лизу и утверждала, что ей самой может грозить опасность. Но ты же теперь знаешь, как она относится к тому, что ей кажется несправедливостью.

Феликс кивнул.

– Но она всё-таки согласилась на дистанционное обучение, чтобы не провоцировать всех тамошних фанатиков.

Селена несколько раз кивнула, подтверждая правильность утверждения.

– Да, согласилась. Более того, она очень скоро нашла такой метод весьма удобным для самой себя. Какие-то проблемы появились у её матери, она никогда не позволяла мне знать слишком много о своей семье.

– Но ты же всё это время оставалась её подругой... – констатировал Феликс.

– Да, но тема семьи для Лизы была и остаётся чем-то неприкасаемым. Единственное что мне удавалось узнать, это то, что её мать и отец живут всё в том-же самом доме на берегу море. У них часто бывают внутренние перипетии, и мать периодически страдает от симптомов странного заболевания, не поддающегося лечению.

Феликс задумался. Он смотрел перед собой, но выходило так, что его взгляд сверлил грудь Селены. Девушка понимала, что мужчина попросту утонул в поднявшемся шквале мыслей, и это её предположение не было далеким от истины.

Услышанное в равной степени шокировало и интриговало Феликса, он начинал совершенно по-новому смотреть на возлюбленную, анализируя все те моменты, которые периодически проскальзывали между ними, когда ему казалось, что за словами Лизы пряталось куда больше смысла, чем девушка намеривалась сообщить. Кроме того, многие черты её характера теперь объяснялись тем, что девушке пришлось пережить в ранние годы. Это плохо поддавалось рациональному осмыслению, ведь детство девушки проходило не в пятнадцатом веке, но выходило так, что десятилетняя давность и незначительные географические различия играли важную роль в судьбе человека. То, каким село Янтарное было сегодня, Феликс знал не понаслышке. Это было весьма популярное место отдыха, с развитой инфраструктурой. Но здесь обитали не только туристы, но и жители, у которых появлялись свои дети. Сейчас невозможно было даже представить, что вполне разумные люди стали бы вести себя тем образом, коим вели себя учителя школы, в которой учились Лиза и Селена.

Хотя, размышляя над этой мыслью, Феликс вдруг осознал, что его собственные представления могут сильно отличаться от реалий. То, что произошло в городском парке. Тот случай, который подарил ему возможность быть с объектом своего обожания, напрямую доказывал, что в реальности с благоразумием и цивилизованностью всё обстояло ещё очень и очень непросто.

В любом случае, Феликс продолжал жить своими эмоциями, и Лиза какое-то время оставалась главным источником его вдохновения. Мужчина продолжал работать, но теперь, периодическая необходимость задержаться раздражала его. Он словно разделил свою действительность на два диаметрально противоположных уровня. Весь прагматизм материальной жизни

оставался с ним в течение рабочего дня, по завершению которого мчался домой, в ожидании встречи с Лизой.

Именно этот его «второй уровень» жизни наполнял его существование красками. В Лизе Феликс находил много удивительного, девушка никогда не жаловалась на отсутствие публичной составляющей в её жизни. От неё нельзя было услышать жалоб на то, что они вместе «уже давно никуда не ходили» или что «они уже давно не собирались с компанией». Все подобные поведенческие клише были полностью исключены из жизни Лизы. Девушка имела свои собственные интересы, вполне «земные», понятные ей и не обязанные интересовать кого-либо ещё. Она понимала, что Феликс тоже имел право на «личное пространство» и никогда не покушалась на это благо. Однако у Лизы оставались свои секреты, в отношении которых она с самого начала взяла с Феликса обещание, никогда её не расспрашивать. Периодически, раз в три месяца, Лиза уезжала к родителям и оставалась с ними на протяжении полной недели. Каждый день она отзванивалась Феликсу, чтобы не заставлять его лишней раз волноваться. Лиза сама выступила инициатором видео-звонков, что позволяло Феликсу видеть её, и где она находилась. Во время нескольких таких видео-сессий, которые девушка находила весьма забавными, Феликс получил возможность немного рассмотреть интерьер комнаты в которой девушка жила с детства. Это была самая обыкновенная «девчачья» комната, и Феликс, видя всё это, вспоминал рассказ Селены, в особенности те моменты, когда девушка описывала ему отношение окружающих к Лизе.

За всё время, родители Лизы ни разу не появились в объективе видеокамеры, поэтому этот вопрос продолжал оставаться «тайной за семью печатями»

Лиза возвращалась из таких поездок, и их совместная жизнь продолжала течь в привычном русле.

Идею о том, чтобы сделать Лизе предложение Феликс вынашивал длительное время. За то время, что они прожили вместе, им довелось переживать и ссоры. И именно эти, казавшиеся неизбежными, элементы совместного сосуществования, становились своеобразными камнями в жерновах воодушевлённости Феликса. С какого-то момента, он понял, что несмотря на всё время, проведённое вместе, Лиза даже и не думала раскрывать своему возлюбленному свою главную тайну. Разговоры на тему её семьи оставались табуированы, а от самого Феликса Лиза ничего никогда не требовала. С какого-то момента мужчине стало казаться, то, что называлось красивым словом «доверие», с большей степенью вероятности могло быть безразличием. Перспектива быть попросту безразличным Лизе по-настоящему удручала Феликса. Он всё чаще размышлял над этой «находкой», понимая, что уйти от этого ощущения будет совершенно невозможно до тех пор, пока не ликвидирована неопределённость между ним и Лизой. В результате своих мысленных «самобичеваний», мужчина пришёл к неутешительному выводу о том, что ему было бы легче перенести измену, чем осознание того, что его возлюбленная относилась к нему безразлично.

Феликс предпринимал попытки вести диалог. Лиза была максимально открыта, ей нечего было скрывать, но и это обстоятельство не служило мужчине утешением. Уже достаточно хорошо зная характер девушки, Феликс понимал, что очень скоро он ей может и вовсе надоесть. Тогда, подталкиваемый «демонами отчаянья» мужчина решился сделать ей предложение. Идя на этот шаг при данных обстоятельствах, он полагал, что возможно перспектива замужества, столь манящая для абсолютного большинства женщин, сможет эмоционально «затянуть узел» на нём и его любимой. Согласие Лизы, в данных обстоятельствах, требовалось не столько для его счастья, сколько для восстановления его утраченного душевного спокойствия.

Предложение, которое Феликс сделал при всех необходимых, сопутствующих условиях, было встречено девушкой спокойно. Хотя мужчина и заметил, что Лизе, наверное, впервые за всё то время, что он её знал, не нашлось что ответить. Девушка не была поражена, на неё это

предложение не произвело должного впечатления, однако она быстро опомнилась и одарила Феликса ласковой улыбкой. Лиза, скорее всего, понимала, что для мужчины было очень важным понимать, что все, что он делает, соответствует некоему плану, порядку вещей, прописанному «симпатическими чернилами» в «альманахе социальных традиций» Характер Феликса был таковым, что мужчина попросту не был приспособлен к «жизненной гибкости». Вся его жизнь базировалась на принципах, которые помогали ему в его карьере, из-за чего он возвёл их в ранг высших законов. Двое молодых людей, живущих вместе некоторое время, непременно должны были пожениться. Это бы означало, что ещё одна ступень социального соответствия проедена. Штамп в паспорте сработал бы в качестве галочки напротив ещё одного выполненного пункта в жизненном плане Феликса.

Лизу сильно раздражала уже одна только мысль о том, что Феликс «выполняет свой план» без её участия в составлении этого «плана» Девушка понимала, что покуда всё в жизни этого человека происходит в соответствии с его собственными установками, он ощущает себя в собственной зоне комфорта.

«– А что будет дальше?» – спрашивала себя Лиза, глядя на растерянное выражение лица Феликса – «Какие дальше пункты в твоём плане? Наверное, я буду обязана взять твою фамилию, продать своё жильё и переехать жить к тебе. Отныне каждый свой шаг я должна буду делать строго в согласовании с тобой и твоим «планом», мы же официально-зарегистрированная семья! А потом ты посчитаешь свои бюджетные перспективы и определишь, сколько детей я должна тебе родить, чтобы каждому досталось хорошее медицинское обеспечение, образование, работа и перспективы удачного марьяжа. Ну а затем, само собой разумеется, нужно будет подыскать наиболее выгодное предложение на специфическом рынке земельных участков два на полтора и найти мастерскую, где изготавливают недурные надгробия. Не помешает ещё хорошая поэтесса, которая заранее сочинит нам эпитафии. Вот и всё, план практически выполнен, можно облегчённо вздохнуть»

Всё это пронеслось у Лизы в мыслях с молниеносной скоростью, девушка увидела перспективы жизни по «плану» Феликса в виде запущенного чьей-то рукой конвейера, на котором она, уподобившись безвольной кукле, двигалась через последовательно расположенные секции, в которых неизвестно кем созданные, невидимые механизмы преобразовывали её в то, что требовал «социальный план» Конвейерная лента, казавшаяся поначалу длинной и извилистой, уже не середине пути становилась прямой, с очевидным концом в виде корзины, куда прошедшие все этапы куклы безвольно валились в утиль.

Феликс старался как мог не выдавать своего волнения, он ожидал, когда он услышит заветный ответ, который в его собственном сознании должен был в один момент уничтожить поселившиеся в нём сомнения. В то же самое время мужчина понимал, что ничего не защищало его от перспективы получить негативный ответ. И даже больше, он заранее прокручивал в голове такое развитие событий, представляя как прозвучит эта короткая фраза, способна потрясти его внутренний мир.

Однако, вопреки всем ожиданиям Феликса, Лиза ответила ему следующим образом. На её лице появилась улыбка, тёплая, нежная улыбка, которую так любил видеть Феликс, и о существовании которой могли знать только самые близкие Лизе люди.

– Я так рада, спасибо. – Лиза сама едва ли понимала всю бессмысленность такого ответа, но как ни странно, именно подобная бессмыслица оказалась «спасительным плотом» для обоих молодых людей. Лизе не пришлось давать конкретный ответ, а Феликс, хоть и не получил заветного «да», избежал всё-потрясающего «нет». Его внутренний мир пережил потрясение относительно небольшой «магнитуды», так что теперь ему предстояло ограничиться проведением не небольших ремонтно-восстановительных работ.

Другая проблема для Лизы заключалась в том, что преподнесённое кольцо нужно было либо принять, либо вернуть Феликсу. Это было красивое, элегантное, лишённое вульгарной

вычурности украшение, на которое Лиза не могла даже смотреть. В данный момент это кольцо ассоциировалось у неё с рабским ошейником, не хватало только цепей, тянущихся к её щиколоткам, чтобы ограничить её свободу. Девушка прекрасно понимала всю силу метафор данного контекста, и поэтому ей было ясно, что цепи здесь были невидимыми.

– Какая красота... – заворожённо выдохнула Лиза, глядя на ненавистную прелесть к бархатной чёрной коробочке – Оно же эксклюзивное!

Феликс кивнул, подтверждая правильность догадки. Он не стал покупать обручальное кольцо массового производства, желая подчеркнуть своё совершенно особое отношение к избраннице.

Лиза поднесла коробочку с украшением поближе к глазам и внимательно рассматривала кольцо, даже не собираясь взять украшение в руку. Дождавшись, когда Феликс наконец отвернулся, Лиза воспользовалась предоставленной возможностью и закрыв крышечку футляра, убрала украшение на прикроватный столик. Феликс не оборачивался, но он понимал, что произошло за его спиной. Лиза молчала, не зная, что сказать, боясь спровоцировать мужчину на эмоции, которых он сам так боялся. Феликс же не хотел заставлять Лизу выдавливать из себя куцые объяснения, всё было ясно без лишних слов, но они оба предпочитали не разрушать искусственно-созданную вокруг себя иллюзию. С этого момента их отношения перешли в самую что ни на есть естественную фазу – имитации взаимности. Вопрос о женитьбе на долго повис в воздухе, никто не решался его затрагивать.

Спустя какое-то время, апатия Феликса сменилась обидой, грозящей перерасти в латентную озлобленность. Всякий раз, когда эмоции брали верх, мужчина забывал историю, услышанную от Селены, или попросту предпочитал не брать её в расчёт. В подобном состоянии он всё менее трепетно относился к чувствам Лизы, и временами начинал позволять себе пробы «свежей почвы». Феликс заводил разговоры с Лизой на самые различные, совершенно не касающиеся их отношений темы. По началу девушке было даже любопытно, она охотно откликнулась на эти вызовы, полагая, что быть может таким образом Феликс сможет менее болезненно пережить провал выполнения одного из пунктов своего «плана»

Однако и терпение Лизы было не безграничным. Она была не в восторге от того, когда мужчина начинал откровенно «перешагивать невидимую черту»

Так, одним вечером, Феликс, лёжа на диване рядом с Лизой, занятой выполнением каких-то тестов, связанных с её работой, завёл разговор о распятии. Мужчина предложил рассмотреть распятие Христа как символ.

– Вот представь себе, каковой следует обладать выдержкой, чтобы столько лет терпеть такую неопределённость. – говорил Феликс – Я имею в виду конечно Иисуса. Фактически, если верить преданию, он добровольно отрёкся от предложенных ему средств преуменьшения своих страданий, но понимал ли он тогда, сколь долгими они будут.

– Ты что вдруг в религию ударился? – непринуждённо спросила Лиза.

– Да я рассуждаю с точки зрения не религии а символизма. Из всех событий жизни Иисуса, верующие главным символом выбрали его распятие. Христианство ещё остаётся самой распространённой религией по численности своих последователей, представь только, у скольких людей по всему миру висит распятие. А ведь, зная Библию, можно же прийти к выводу, что распятие это скорее промежуточный этап в существовании Иисуса. При этом, последующее воскрешение Христа стало неожиданностью, и потому чудом. Стало быть и сегодня для очень многих людей не чужд остаётся символ неопределённости, я бы сказал духовной прокрастинации...

– Ты хочешь намекнуть мне на что-то конкретное? – Лиза крайне редко позволяла себе повышать голос, считая это признаком собственной слабости, но против нахальства Феликса у неё не оставалось иных методов.

– Да нет, что ты! – изображая искренность, отозвался мужчина – Говорю же, просто мысль в голову такая пришла. А ты сама то как к этому относишься?

Лиза не отвечала, полагая, что её молчание заставит Феликса утратить интерес к его провокациям, однако этого не случилось.

– Извини, если я тебя оскорбил, чувства верующих сегодня особенно рьяно охраняются.

Лиза подняла взгляд от дисплея ноутбука на Феликса, её голубые глаза, в оправе из длинных нежных ресниц, наливались яркостью своего оттенка.

– Я просто не думал, – делая вид, будто не замечая эмоций девушки, продолжал мужчина – что тебя это может задеть. Распятья ты же не носишь...

Последняя капля должна была спровоцировать прорыв плотины, выразившийся в урагане эмоций, которых от Лизы никто никогда не видел. Но вместо ожидаемой реакции, девушка закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов. Феликс не без интереса смотрел за её действиями.

Лиза поднесла обе свои руки к лицу, принявшись ладонями аккуратно массировать лицо, явно пытаясь таким образом восстановить спокойствие. Однако Феликс, сам не веря своей смелости, позволил себе неслыханную дерзость. В один момент он перевернулся со спины на живот, отперевшись на колени он обоими руками схватил Лизу за запястья.

– Да хватит тебе этого само-затворничества! Я что, чужой тебе человек, что ты прячешь от меня свои слёзы? – Феликс не заметил, как перешёл с повышенного тона на крик, отрывая руки девушки от её лица.

Лиза сама, очевидно, не ожидала от Феликса такой наглости, и потому она ещё сильнее разволновалась. Оказавшись не в силах совладать с нахлынувшими эмоциями, девушка громко всхлипнула и попыталась вырваться из рук мужчины, чтобы только закрыть руками лицо. Но Феликс держал её руки достаточно крепко.

– Отпусти! – Лиза хотела крикнуть на мужчину, но она и сама услышала, что получилось у неё только жалобное хныканье, отчего ей стало вдруг противно за саму себя. Она понимала, что не далеко оставалось до фатальной ошибки, но ничего уже не могла сделать, эмоции обиды, из-за неосторожных действий самого Феликса превратились в острое чувство обиды, которое подобно детонатору, привело в действие постоянно скрываемые, подавляемые силы.

– Нет, стой! – Феликс вновь отвёл руки Лизы от её лица, но на этот раз он увидел, как из-под плотно закрытых век девушки пробивались две струи чёрных как дёготь, слёз. Ещё одно мгновение, и Лиза раскрыла глаза. На Феликса устремились два нечеловеческих ока, каждое из которых было черней вороного крыла. От голубых глаз девушки не осталось и следа. Потoki чёрных слёз усилились, превратившись в две струйки. Очертив линию через всё лицо девушки, слёзы сорвались с её подбородка и в один миг упали на поверхность кровати, выжигая в велюре отверстия до самого деревянного основания, но Феликс не мог быть уверен, останавливалось ли хищное вещество на этом, или проедало себе путь дальше, до самого пола.

Отпустив руки девушки, мужчина отскочил назад, выкрикивая её имя. Он испугался, что чёрные слёзы, прожигавшие всё на своём пути, могли сделать с самой Лизой. Но самой девушке эта субстанция не причиняла видимого вреда. Однако одними жгущими слезами дело не ограничилось. В следующий момент в квартире стал по переменной гаснуть и включаться светильники и другие электроприборы. Это продолжалось не так уж долго, поскольку источники света не выдержали и лопнули, обдав комнату градом осколков. Феликс услышал, как что-то с огромной силой ударило в окно. Пластиковый стеклопакет был четырёхслойным, что позволило стеклу выдержать удар. Однако следующий подобный удар пришёлся уже не в окно, а по самому Феликсу. Невообразимая сила, не имевшая осязаемой оболочки, сбила его с ног, отбрасывая к противоположной стене. Мужчина едва не потерял сознание от удара затылком о стену. Осев на полу, он понял, что лучшим в его положении решением будет закрыть голову обеими руками и затаиться в надежде, что царящее безумие скоро закончится. В тече-

ние следующих нескольких секунд, показавшихся мужчине долгими минутами, он слышал как невообразимый шум ветра наполнял собой его сознание, грозя раз и на всегда лишиться слуха и рассудка. Когда же всё вдруг прекратилось, Феликс ещё такое-то время продолжал лежать на полу, сжавшись в комочек, не решаясь поднять головы и осмотреться.

Так как вокруг царил тьма, мужчина не мог разглядеть ничего кроме собственных рук перед собой. В воцарившейся тишине он слышал только своё дыхание и редкие всхлипывания, принадлежащие, без всякого сомнения, Лизе.

Наконец, он поднял голову, но из-за темноты ничего не увидел. Какая-то часть его самого была рада этой темноте, поскольку при зажжённом свете его пугала перспектива увидеть лицо девушки с нечеловеческими глазами, источающими смертельные чёрные слёзы. Этот образ словно впечатался в его сознание, надёжно установив ассоциацию со страхом.

Всхлипывания прекратились, прошло несколько мгновений, прежде чем Феликс услышал грустный, усталый голос Лизы:

– Ты там живой ещё?

Спустя несколько дней после этого инцидента, Феликс и Лиза восстановили спальню девушки. Феликс признался самому себе, что это были самые отвратительные три дня в его жизни, с Лизой он практически не разговаривал, обмениваясь только короткими фразами. Наверно именно его страх теперь ранил девушку больше всего. Феликс старался не встречаться с девушкой взглядами, поглядывая на её лицо украдкой, в такие моменты, когда ему казалось, что он может делать это незамеченным. Он сам понимал, что Лиза замечала каждый его взгляд, и что такое его поведение в каком-то роде напоминало девушке о том, что ей довелось пережить в школьные годы.

Ни о каких разговорах, связанных с женитьбой, теперь не могло быть и речи. Феликс предпочёл забыть про кольцо и своё предложение. На работе он был сам не свой, и это не могло остаться незамеченным его коллегами, однако никто не решался заговорить об причинах растерянности Феликса.

Ещё пять дней спустя, четыре из которых он не видел Лизу, Феликс получил сообщение от девушки, в котором она просила о встрече. Он согласился, полагая, что Лиза вернёт ему кольцо и предпочтёт с ним расстаться. Каковым же было его удивление, когда при встрече с Лизой, девушка обняла Феликса вместо обычного приветствия. В этом объятии не было ничего связанного с интимной стороной их отношений, вместо этого Лиза словно выразила Феликсу свою поддержку. Она явно считала его жертвой случившегося, и подразумевала не только последний инцидент, но и все их отношения целиком. Однако вместо того, что ожидал Феликс, Лиза напомнила ему, о приближающемся сроке, когда ей нужно было уезжать на семь дней к её родителям.

– Ты так долго ломал голову над тем, что я там делаю эти семь дней, и почему ты никогда моих родителей в глаза не видел. – говорила Лиза – После того, что случилось, я хочу тебе сделать своё предложение.

У Феликса расширились глаза от удивления.

– Ты, конечно, можешь послать всё ко всем чертям, и меня туда же. Если честно, любой здравомыслящий человек поступил бы именно так на твоём месте. Но я предлагаю тебе возможность удовлетворить глодающее тебя любопытство и отправиться со мной.

В здравомыслии Феликсу всегда трудно было отказать. Но последние годы рядом с Лизой и его любопытство, оказались способны преодолеть «пороги здравомыслия» Он принял предложение.

Спустя два дня, Феликс вёл автомобиль по дороге, ведущей к старому дому, где жили родители Лизы.

Глава 3

Дни шли своим чередом. Как Лев и ожидал, ему вовсе не потребовалось ни много времени, ни больших усилий, чтобы адаптироваться к новому ритму жизни. Хотя именно образ жизни изменился у молодого человека до неузнаваемости. Теперь у него не было его работы, ради которой он в течение последних двух с половиной лет вставал ни свет, ни заря, чтобы меть возможность подготовиться к планерному совещанию. Помимо официальной работы, не было и «теневого схемы» над которой мужчина трудился не покладая рук в команде таких же «белок в колесе». Работа длительное время выступала в качестве ненасытного пожирателя времени. Ошибочно было думать, будто человек, работающий на какую либо организацию, участвует в отношении равноценного обмена своего времени на денежные знаки. Как никто другой Лев знал, что отношения работодателя и его работника никогда не будут равными, и тому было слишком много причин, чтобы эту ситуацию можно было бы уладить при помощи «социального партнёрства». Даже там, где работал Лев, а он привык считать свою работу – исключительно интеллектуальным трудом, очень часто от него требовалось прежде всего соответствие внутренним стандартам, а уже потом – эффективность. Такой подход длительное время оставался за пределами его понимания и часто вызывал плохо скрываемое презрение. Со временем, у него не осталось и сомнения относительно того, что его работа оценивается не по её результативности, а по тому, соответствует ли она требованиям внутреннего режима организации.

Когда Лев стал частью небольшой команды специалистов, работавших, что называется, «под прикрытием», его трудовые будни существенно преобразились. Связано это было, главным образом, с тем, что Кирилл Генрикович, руководитель исследовательского отдела, сам вёл «двойную игру». Он был готов выделять приличные средства для оплаты хлопот привлечённых специалистов, а Михаил, в свою очередь, распределял задачи так, чтобы во главе стола стояла именно эффективность их выполнения. Данный подход полностью исключал принципы соответствия, и это очень нравилось Льву, который видел в этой работе перспективы для реализации идей, теорий, задумок и конечно же – для уникального опыта.

Кирилл Генрикович, часто оставаясь доволен работой своих «тайных» специалистов, не скупился ни на оплату, ни на похвалу. Иногда он собирал всех тех, кто с ним работали в свободное время, в каком-либо общественном месте, и устраивал что-то вроде «закрытого корпоратива». В такие моменты профессор не скупился на благодарственные речи, не преминув подчёркивать важность своей работы для человечества, и соответственно, важность работы всех тех, кто помогал его работе выполняться несмотря на рамки закона.

Лев учился понимать смысл, выраженный между строк, ему казалось, что при том образе трудовой жизни, что он вёл, этот навык был чрезвычайно важным. Его попытки заговорить с Кириллом Генриковичем более откровенно, не оборачивались успехом, доктор всегда находил необходимое пространство для манёвра и уклонялся от темы, обсуждать которую он не хотел.

И хотя именно Михаил был «первым игроком» в команде «теневого специалистов», Кирилл Генрикович понимал, что всегда есть такие игроки, без которых игра не заладится. Вскоре профессор уже не мог не замечать тот вклад, который Лев вносит в общее дело. Михаил, следовало отдать ему должное, всегда открыто докладывал профессору о отдельных успехах своих людей.

Так, когда Льву удалось оспорить решение таможенного органа о временном аресте части прибывшего груза, Михаил честно объяснил Кириллу Генриковичу, что этот успех принадлежал лично Льву, так как тот применил свой собственный метод, свои связи и свои таланты. Затем, когда в отношении исследовательского центра и Кирилла Генриковича была составлена петиция от общественной организации «за сохранение христианских ценностей», требовавшая профильное министерство наложить запрет на развитие «нейросинтеза», как метода хирургического вмешательства, своей сутью противоречащего основам православия, профес-

сор опасался, что как минимум постановление о временной приостановке деятельности будет выписано. Этого можно было ожидать от прокуратуры, имевшей на тот момент негласное предписание «сверху» о том, что все требования самых маргинализованных слоёв общества не должны оставаться без должного внимания в предвыборный период. Однако именно Лев сумел обжаловать постановление, путём сбора ответной, коллективной петиции от граждан, убеждённых в необходимости развития нейросинтеза. Для этого ему пришлось сперва выискать на самых различных научных и псевдо-научных форумах самых ярких атеистов, затем найти каждого в живую и обрисовать ситуацию под таким углом, чтобы человек непременно поставил свою подпись в петиции. Таким образом, Лев предоставил ответную петицию, которая была подписана хоть и несколько меньшим количеством человек, но зато люди, подписавшиеся под ней, относились к самым различным социальным группам, и многих из них объединяло профессиональная занятость в социально-полезной сфере деятельности. Такая аргументация оказалась убедительной, чтобы постановление о временной приостановке деятельности было отменено.

Кирилл Генрикович не был одним из таких людей, которые могли позволить себе оставлять незамеченными эффективные усилия своих работников. Отметив Льва, как наиболее способного сотрудника, Кирилл Генрикович вызвал его на личную беседу. Мужчина уже полагал, что таинственный профессор был готов ввести его в гораздо более деликатные дела, нежели те, за которые отвечал Михаил, но вопреки своим ожиданиям, он получил от профессора неоднозначное по своей специфике задание. Льву предстояло подготовить необходимый пакет документов для регистрационной палаты и затем перевести право собственности на загородный дом Кирилла Генриковича от самого профессора, его первому помощнику, Максимилиану. Льву предстояло решить, в какой форме можно было бы осуществить эту процедуру наиболее быстро и без лишнего внимания. Сам Кирилл Генрикович ошибочно полагал, что наличие в гражданском законодательстве такой формы как «дарственная», решало его проблему.

– Дарственная заключается между дарителем и одариваемым, – размышлял Кирилл Генрикович, делаясь своими мыслями с Львом лично – при этом она не требует от одариваемого никаких встречных действий, ему не нужно даже письменно удостоверить своё согласие принять дар.

Лев деловито покачивал головой, изображая, что он очень внимательно внимал словам профессора и взвешивал каждое из них, как если бы они несли в себе чрезмерную смысловую нагрузку.

– Я правильно понимаю, – продолжал профессор – что если одариваемый не выразил своё несогласие принять дар, то дарение считается состоявшимся?

Лев улыбнулся в ответ, складывая руки перед собой, настраивая тем самым собеседника на содержательную беседу.

– Далеко не всё так просто обстоит с дарением. – спокойно ответил Лев – Прежде всего, когда в качестве предмета дарения выступает объект недвижимости, то и дарственная по этому объекту подлежит государственной регистрации, а вот это уже невозможно без участия одариваемого. Но даже не это обстоятельство самое проблематичное. Всякое дарение, при котором одно лицо передаёт другому в дар особо-ценный объект, и при этом между этими лицами нет родственной связи, воспринимается надзорными органами как нечто весьма подозрительное. Как правило, органы видят здесь либо схемы ухода от налогов, либо попытку отмыть средства, полученные от незаконной деятельности. В любом случае, дарение дорогой загородной недвижимости привлекает большое внимание контролирующих органов.

– Ну а какой ещё вариант у нас может быть? – спросил Кирилл Генрикович, выражая свою заинтересованность и готовность выслушать предложения собеседника.

– Если бы я мог предположить, что у вас имеются средства, в количестве соответствующие хотя бы приблизительной рыночной стоимости аналогичного имущества, то можно было

бы провести это как стандартную куплю-продажу. Разумеется, на вашей стороне появится обязательство по уплате налога, но это уже неизбежная транзакционная издержка, зато такая процедура совершенно безопасна и не вызывает подозрений.

– То есть я буду должен ещё и налог уплатить, который будет весьма приличным исходя даже из средней рыночной стоимости. – задумался Кирилл Генрикович.

– Мне видится разумным вот что. – выдержав необходимую в таких делах паузу, проговорил Лев – Так как Максимилиан в данном отношении выступает явным бенефициаром, то мы могли бы предложить ему принять тяжесть налогового бремени на себя.

Кирилл Генрикович улыбнулся и тут же отмахнулся от этой идеи.

– Понимаешь, для меня важно, чтобы всю эту процедуру можно было бы повернуть вообще без его участия.

Лев очень сильно удивился.

– Но извините, – парировал он, слегка изменившимся тоном – даже при дарении, как я вам объяснил, его присутствие будет необходимо.

– И без него что, никак нельзя? – уточнил профессор.

Лев не переставал удивляться. Он впервые наблюдал ситуацию, в которой речь шла о практически безвозмездной передаче дорогостоящего имущества, а получатель не мог себя заставить даже просто поприсутствовать в момент перерегистрации прав собственности.

Профессор, очевидно, заметил это замешательство на лице мужчины и поспешил с объяснениями.

– Максимилиан не подозревает о этом моём жесте щедрости, и я хочу. Чтобы так оно и оставалось. Я понятно выразился.

Лев ничего не ответил, но медленно кивнул, позволив профессору лишний раз убедиться, что он имел дело с профессионалом.

– А если мы сделаем следующим образом. – предложил Кирилл Генрикович не в меру долго молчавшему юристу – Ты подготовишь необходимые для купли-продажи документы, я предоставлю тебе всё, что нужно. Затем, когда всё будет готово, я выпишу тебе доверенность на право представлять мою волю перед регистрационным органом. Спустя несколько дней Максимилиан свяжется с тобой и вы исполните сделку, и пройдёте процедуру регистрации прав собственности без меня. Так возможно?

Лев последовательно оценил все предложенные этапы. Самую малость предстояло подкорректировать, но в целом, это могло сработать.

– Знаете, – отозвался юрист – ваш план вполне может сработать.

– Мне нужна стопроцентная уверенность, – процедил Кирилл Генрикович – поскольку после того как Максимилиан переведёт деньги на указанный счёт, меня вы уже не увидите.

– Как это? – от удивления Лев не смог сформулировать свой вопрос более подходящим образом.

– Дальше нейросинтезом будет заниматься Максимилиан. – спокойно, как ни в чём не бывало, ответил профессор.

Лев поборол в себе желание расспрашивать профессора относительно грядущих кадровых перемен. Но Кирилл Генрикович, судя по всему, не был расположен к подобным беседам.

Вскоре, приткий юрист уже занимался этим деликатным заданием, которое оказалось далеко не таким сложным. Все документы профессора были в достойном состоянии, их подготовка не заняла много времени, и очень скоро Лев сообщил Кириллу Генриковичу, что сделка могла состояться. Профессор одобрил оперативность в работе и попросил юриста выждать некоторое время. У Льва не выходил из головы разговор с Кириллом Генриковичем, и тот внезапный поворот, который ему открылся. Приход честолюбивого Максимилиана к управлению проектом мог означать серьёзные перемены, и Лев опасался, что его профессиональная жизнь тоже могла вернуться в привычное русло. Хуже всего было то, что своими опасениями

мужчина не мог поделиться с коллегами по «теневому цеху», профессор требовал строжайшей секретности, и юрист выполнял это требование. Он ловил на себе взгляды своих коллег, в которых читал некоторую профессиональную зависть, но при этом он сам не испытывал никаких позитивных чувств, тревога действовала на него угнетающе.

Спустя примерно две недели, Кирилл Генрикович исчез. Этому исчезновению предшествовали некоторые яркие события в жизни исследовательского центра, связанные с нейросинтезом. Профессор дал пресс-конференцию на которой представил своего пациента, молодого мужчину, перенёсшего нейросинтез после клинической смерти. Официальная версия была таковой, что Кирилл Генрикович обнаружил пациента в областном токсикологическом центре, где тот пребывал уже какое-то время в состоянии комы. Обстоятельства, предшествующие поступлению данного пациента были засекречены, что давало основания полагать, что он имел какое-то отношение с правительством. Врачи токсикологического центра предприняли различные меры по выводу пациента из комы, но всё обернулось лишь ущербом для отдельных сегментов коры головного мозга. На пациенте были готовы поставить крест, но именно Кирилл Генрикович добился разрешения применить на нём свой революционный метод, и в результате сложной нейрохирургической операции, пациент обрёл вторую жизнь. С этого момента началась активная популяризация нейросинтеза. Однако Лев знал немного подробностей и о обратной стороне медали. Кирилл Генрикович вовсе не обнаруживал пациента по воле случая, он знал, где и почему находится конкретный пациент. Более того, профессору было хорошо известна вся подноготная того, как этот пациент оказался в токсикологическом центре. Было очевидно, что профессор представлял из себя человека с куда более таинственным прошлым, чем это могло казаться со стороны.

Михаил постоянно поучал Льва не совать свой нос туда, где не находилось то, что не было связано с его непосредственной работой.

Льву, тем не менее, стало известно, что организованный «секретным юр-отделом» трафик экзотических веществ, был необходимостью для осуществления самого нейросинтеза. Это означало, что в рекламе, выступлениях в передачах и интервью, профессор позволял публике увидеть лишь самую верхушку айсберга. Любая оплошность тех людей, что работали на него, могла легко разрушить созданную концепцию и похоронить все начинания Кирилла Генриковича. С этим осознанием, Лев лишь укоренился в ощущении важности своей работы.

Спустя ещё какое-то время после исчезновения Кирилла Генриковича, ко Льву подошёл Максимилиан. Юрист знал этого человека постольку поскольку. Молодой врач-психотерапевт был первым помощником профессора, но Кирилл никогда не посвящал того в свои дела, по крайней мере так казалось со стороны. Максимилиан был молод, высокомерен, заносчив и обладал всеми теми качествами, которые обрекали «теневую деятельность» на крах. Однако, когда Максимилиан предстал лично перед Львом, то юрист обнаружил, как много общего было у этого человека с Кириллом Генриковичем. Лев даже удивился, что до сего момента он не замечал всех этих сходств. Впоследствии Максимилиан взял на себя роль Кирилла, и «теневая работа» продолжалась. Михаил теперь прислуживал новому руководителю, даже не ощущая разницы. Лев и сам несколько раз ловил себя на совершенно сумасбродной мысли о том, что Кирилл и Максимилиан могли быть родственниками, возможно даже родными братьями, таким схожим оказался вдруг их характер, но разница в возрасте и внешности между ними полностью исключала такую возможность.

Максимилиан сообщил Льву, что необходимая сумма была переведена на указанный Кириллом счёт, и пришло время зарегистрировать сделку.

В назначенный день мужчины встретились в регистрационной палате, Лев имел при себе заверенную доверенность от Кирилла и все необходимые документы. Максимилиан, в свою очередь, имел на руках тот необходимый минимум документов покупателя, так что ничто уже не мешало сделке. Максимилиан оплатил пошлину и напомнил Льву, что он принимает на

себя обязательство по уплате налога с продажи дома Кирилла Генриковича. Всё прошло превосходно, сотрудники регистрационной палаты приняли все документы и выдали предписание с датой, когда Максимилиан должен был явиться для получения свидетельства о праве собственности.

Лев так и не смог забыть, как уже после регистрации, Максимилиан похлопал его по плечу, совсем как Кирилл Генрикович имел обыкновение делать это, а затем сказал:

«– Ну, всё прошло отлично. Я же говорил, что всё у нас получится»

С этими словами Максимилиан оставил юриста одного, наедине с его собственными мыслями, которые, уподобившись яростному смерчу, принялись метаться в сознании, переворачивая верх дном аналогии и сравнения и буквально разбивая в щепки рамки того, что мужчина привык считать здравомыслием.

Лев продолжал работать, теперь уже на Максимилиана, но при этом он понимал, что все процессы, в которых он и его коллеги участвуют, были задуманы Кириллом Генриковичем, и создавалось такое впечатление, будто бы профессор никуда и не уходил. Юрист, тем не менее, отчего то стал испытывать отвращение к Максимилиану. Понять причину такой перемены, или выявить предпосылки к этому не удавалось, однако, наблюдая за ним, и с каждым разом выявляя всё больше поведенческих схожестей с Кириллом Генриковичем, Максимилиан начинал казаться всё менее и менее естественным. Его образ теперь неминуемо связывался с профессором, но если молодой психотерапевт сознательно имитировал своего предшественника, то получалось у него чрезвычайно натурально. Схожесть была настолько велика, что в какие-то мгновения Льву казалось, будто это Кирилл Генрикович, преследуя одному ему известные и понятные цели, нацепил на себя кожу и плоть молодого Максимилиана, и теперь он переживал вторую жизнь.

Лев поймал себя на мысли, что свободные часы едва должны приноситься в жертву воспоминаниям о событиях, имевших место не так давно. С этим своим доводом он даже и не спорил, но вопрос заключался в другом, как лучше обустроить своё собственное время в новых условиях?

Мужчине казалось, что окрестность ещё оставила для него несколько неисследованных достопримечательностей, однако с приходом осени, несмотря на тёплый в сравнении с уральским, климат, учащались дожди. Минувшим днём, попав под один такой дождь, Лев понял на своей собственной шкуре, что ледяной ливень может конкурировать с пронизывающим ледяным ветром и доставлять несколько не меньше неудобств. Ознакомившись с прогнозом на следующие две недели, он пришёл к выводу, что имевшийся у него гардероб не был приспособлен для особенностей местного климата. Это подтолкнуло его к ещё одной вылазке в город, в ходе которой он приобрёл предметы гардероба, необходимые в особо дождливую погоду. Снега, как он понимал, ожидать в ближайшее время не приходилось.

Раз в два дня Лев уделял полтора часа своего времени занятию спортом, львиная доля его тренировки приходилась на бег. Бегом мужчина занимался ещё со школьной скамьи, где бы ему не приходилось проживать, он всегда адаптировал местные условия под свои занятия. Ещё до своего прибытия к Балтийскому берегу, Лев представлял себе как он будет бегать вдоль линии прибоя, обдуваемый морским бризом. Теперь же, когда он уже прожил несколько дней в своём новом жилище, подобные идеи становились похожи на всё ту же недостижимую мечту. Разумеется, Лев бегал вдоль берега, но теперь он понимал, что реальность в очередной раз обманула ожидания. С моря дул сильный, и временами очень холодный ветер, который мог заставить промокшую от пота одежду в один момент покрыться сетью изморози. При этом, постоянная температура воздуха была достаточно высока, и мужчина не мог себе позволить одеться на тренировку в слишком плотную форму. Но вот всё тот же ветер, ударяя в фигуру бегуна, словно срывал с него всё то тепло, которым окутывало себя его тело.

Таким образом, в силу объективных причин, Лев построил себе другой маршрут для бега, который не предусматривал длительного пребывания на открытом пространстве берега. Маршрут завершился возвращением в дом. Немногочисленные люди, жившие в похожих с ним домах, ещё не привыкли к приезжему и частенько посматривали на него если и не с подозрением, то с любопытством.

Лев думал, что владелец дома – Ян, непременно успел растрепать некоторым людям о том, что его дом будет снимать человек, приехавший из далека, оставивший большой мегаполис позади, со всеми его перспективами, ради того, чтобы жить на отшибе.

Это могло показаться странным, но Лев полагал, что если бы он сам был на месте этих зевак, то он, скорее всего, вёл бы себя точно также. Ему тоже это казалось бы странным и нелогичным. Так уж сложился стереотип человеческого мышления в России, что из всех возможных вариантов и предположений мы чаще склоняемся к негативным, представляя себе незнакомца мошенником, беглым бандитом, скрывающимся не то от власти, не то от бывших подельников.

«– Но ведь если рассудить,» – размышлял Лев во время одной из своих пробежек – «то я и вправду скрываюсь от бывших подельников, хотя бы в лице того же Михаила»

Мужчина уже неоднократно думал о том, чем ему грозила встреча с разозлившимся, чувствующим себя обманутым, подельником. Михаил, сам по себе, не представлял какую бы то ни было опасность. Это был типичный представитель того разряда людей, которых в больших городах называли «офисным планктоном», хотя от большинства других обитателей офисов, Михаила отличала его целеустремлённость, поэтому, если он вбил себе что-то в голову, то он лез из шкуры вон, только бы достичь цели. Именно благодаря этому качеству, Михаила неформально назначили старшим группы, в которой работал Лев.

Теперь не было ни группы, ни её членов, и только Михаил, переживший в свои тридцать шесть лет инфаркт, рвал и метал, будучи одержимым идеей найти человека, которого он уже успел сделать «козлом отпущения»

Заканчивая свои пробежки, Лев испытывал удовольствия как физически, так и ментально, поскольку помимо физического эффекта от длительных циклических нагрузок, мужчина также получал своего рода ментальный профилактический эффект, наслаждаясь тем временем, которое он мог уделить только своим собственным мыслям.

«– Одинокий бег это лучшая профилактика для сознания» -так он считал.

Вторую половину дня необходимо было посвятить чему-то созидательному, и Лев некоторое время раздумывал, не стоило ли ему освоить какую-нибудь новую компетенцию, используя интернет. Однако очень скоро он позабыл про эту идею, когда обнаружил в доме помещение, о котором Ян ему ничего не сказал. Это был чердак, совершенно не большой, и использовавшийся в качестве кладовой для ненужных вещей.

«-Раз Ян не сказал мне, что туда заходить нельзя,» – размышлял Лев – «стало быть зайти туда можно»

Поднявшись по хлипкой лестнице, мужчина очутился среди картонных ящиков наполненных продолговатыми, прямоугольными предметами. Не понадобилось много времени, прежде чем Лев понял, что в коробках были аккуратно сложенные книги. Попытавшись найти выключатель с обеих сторон от входного проёма, мужчине так и не удалось обнаружить тумблер, очевидно на маленьком чердаке вещи исключительно хранились, осветительных приборов здесь предусмотрено не было. Смирившись с таким обстоятельством, Лев взял на выбор самую увесистую коробку. Запустив руку внутрь, он нащупал книги в твёрдой обложке, причём те, что лежали сверху, на которые и наткнулась рука мужчины, имели весьма необычный для современных книг переплёт.

Теперь предстояло спуститься обратно по той-же хлипкой лестнице. За счёт внушительного размера коробки, общая масса Льва увеличилась, он ступал как можно более осторожно. Наконец, когда его ноги коснулись пола, он поставил коробку в сторону, и убрал складную лестницу.

Притащив коробку в гостиную, мужчина уселся на диван и принялся вынимать книги по одной. Первое с чем столкнулся Лев, была пыль, покрывшая обложки книг. Ему пришлось сходить за смоченными салфетками.

Первой книгой, изъятая из коробки и очищенная от пыли оказался увесистый том в твёрдой обложке, переплёт которой был сильно потёрт и местами надорван. На обратной стороне книги Лев увидел отметины от зубов, это были глубокие утопления в ткань обложки, особенно отчётливо проступали следы от двух клыков. Мужчина подумал, что скорее всего у людей, некогда живших в этом доме могла быть собака, которая была не прочь порезвиться с кожаным переплётом. На лицевой стороне книги было название: «die Märchen von Bernsteinmeer», Лев без особого труда перевёл название «Сказания янтарного моря». На развороте стояло пояснение: «die Märchensammlung von dem baltischen Volk», что дословно означало «сборник сказок народа Прибалтики». В действительности, толстая книга представляла собой сборник латвийских, литовских и эстонских сказок, но составителем этого сборника была целая группа немецких фольклористов и филологов, посему и вся книга была написана на немецком языке. Лев пробежался глазами по содержанию, зачитывая заголовки сказок, обнаруживая некоторые из них довольно любопытными. При этом, мужчина вспомнил как когда-то давным давно, когда он сам ещё был не старше четырёх лет отроду, его матери одна уже очень пожилая женщина из бывших немецких переселенцев, подарила богатую иллюстрациями книгу, сборник немецких народных сказок. Мать, будучи по своей натуре человеком крайне добрым, даже не знала как ей поступить. Книга была очень дорогой уже по тем временам, а эта малознакомая немка просто так отдавала её, утверждая, что малыцу в четыре года уже пора хорошие книжки читать. Это была первая половина девяностых, очень многие люди не имели ни работы, ни помощи от государства, очевидно, что эта самая старушка была одной из таких же несчастных, которые в своё время, несколькими десятилетиями ранее не уехали на родину в рамках репатриации.

Лев помнил, как его мать всё же приняла книгу, а взамен, несмотря на все «протесты» старушки, напичкала её всевозможными продуктами.

Затем, ещё только учащийся читать Лев без усталости перелистывал страницы книги. Это были немецкие народные сказки, не имевшие чёткой датировки возникновения, если не считать примерного века. Большинство из них относились к двенадцатому и тринадцатому векам. Сама книга была составлена уже во второй половине двадцатого века, в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году, знаменитым голландско-немецким учёным Германом Виртом. Будучи написанной на немецком языке, относительно не многие люди могли бы найти эту книгу полезной, однако в те годы, в городке где жила семья Льва, проживало ещё достаточно этнических немцев, многие из которых владели немецким языком, как вторым иностранным.

Отец Льва, вернувшись с работы и увидев в руках ребёнка книгу, был поражен тем, с какой заботой и трепетом сын обращался с предметом. Взяв книгу в руки, он, насколько ему позволяли его собственные знания, ознакомился с названием и автором. В тот период информационной ограниченности, люди не имели даже сотой доли тех возможностей, какие имеются сегодня, поэтому отец, будучи хоть и достаточно начитанным человеком, не узнал автора книги.

Теперь, много лет спустя, Лев не мог вспоминать те моменты без усмешки. Его отец был убеждённым коммунистом, а в его руках побывала книга Германа Вирта, первого руководителя организации «Ahnenerbe», которая представляла из себя научно-исследовательское учреждение, просуществовавшие с тридцать пятого по сорок пятый годы двадцатого века. Это была научная организация по изучению древне-германской истории и наследия предков. Сам же

Герман Вирт выступил первым руководителем этой организации, но с укреплением политического курса фашистской Германии, руководство страны нуждалось больше не в науке, а в идеологии. Вирт плохо вписывался в эту концепцию, изучая главным образом фольклористику и историю германских народов и коллекционируя народные предания и редкие тексты. Поэтому уже в тридцать восьмом году его фактически отстранили от должности в «Ahnenerbe». Впоследствии, уже после войны, Вирт занимался исследованиями не только германских, но и других народов, публикуя множество интересных трудов по культуре коренных народов Северной Америки.

Энергичность и приверженность Вирта не осталась незамеченной уже новым правительством ФРГ, и в семьдесят девятом году, четвёртый канцлер ФРГ Вилли Брандт предложил Герману Вирту вернуться на родину и создать там этнографический музей.

Разумеется, в то время как «добрая репутация» строится годами, «дурная слава» возникает в мгновение ока и ещё долго тянется шлейфом даже за самыми незаурядными личностями. Однако в тот далёкий день, преподнесённая в дар книга была спасена от неоправданного к себе отношения общим невежеством и отсутствием всякого интереса к подобным вещам.

Тем не менее, маленький Лев ежедневно пролистывал страницы книги, рассматривая необычные иллюстрации, представленные здесь в виде гравюр. Изображения завораживали, заставляя ребёнка, неспособного прочесть иностранный текст, самому додумывать сюжеты, основываясь на иллюстрациях. Наверное поэтому эта книга заняла такое особое место в воспоминаниях Льва, по ней он сперва учился яркому образному мышлению, а затем начинать изучать иностранный язык. Льву никто не объяснял, что это за язык, на котором была написана книга, но буквы, которые он видел, отличались от тех, которые он уже умел превосходно складывать в слога, затем в предложения и наконец в тексты. К некоторому своему разочарованию, когда ему было уже семь лет, и за плечами оставались прочитанные «Таинственный остров», «Одиссея капитана Блада», «Остров Сокровищ», «Путешествия Гуливера» и другие фундаментальные произведения мировых фантастов, которые по мнению отца мальчика, были вполне доступны уму семилетнего читателя, Лев упрямил родителей отдать его в первом же классе на дополнительные занятия по иностранному языку, но это оказался совсем иной язык, нежели тот, на котором была написана заветная книга. Только спустя много лет, когда Лев уже учился вдали от родительского дома, он сам шлифовал свой второй иностранный, которым был немецкий язык, и его любимая книга могла стать ему доступной.

Однако, во время очередного визита домой на новогодние праздники, имея в запасе несколько дней, в течение которых мороз накрепко отбивал желания показываться на улице, Лев решил достать с полки заветную книгу и придаться чтению, исполняя мечту, которую он лелеял когда-то давным давно. Каковой же была его досада, когда он обнаружил, что этой самой книги, как и ряда других литературных «памятников» его детства, уже не было на полке. Оказалось, что мать, несмотря на наличие интернета, не отказавшаяся от привычки раз в месяц посещать муниципальную библиотеку, была вынуждена два раза в год делать своего рода «подношения» местному библиотечному фонду.

Лев вздохнул, подумав, что его книга, должно быть, нашла своё место в руках совсем другого ребёнка, который мог бы благодаря ей, заразиться схожими благими мотивациями. Но эта мысль была тут же отброшена, как несуразная глупость. С приходом интернета и доступных гаджетов, в прошлое уходили не только печатные книги, но и замороженные ими дети, способные часами просиживать над ещё малопонятным текстом, поглощая своей фантазией иллюстрации, специфический аромат и звук шелеста страниц.

Лев вынимал одну книгу, протирал её обложку, и внимательно рассматривал со всех сторон. Если ему попадалось что-то, привлекающее его внимание, он открывал развороты. Его взгляд всегда искал автора, дату издания, затем аннотацию. Затем, в случае, если находка дей-

ствительно того стояла, он мог позволить себе пробежаться по страницам, зачитывая отдельные фрагменты на случайно-открытых страницах. За этим занятием мужчина окончательно утратил счёт времени и не заметил, как за окном стемнело.

Поднявшись на ноги, он сходил на кухню и приготовил себе большую кружку чая. Продолжая оставаться при своих мыслях, Лев начал пить, периодически, то поднося кружку к губам, то отстраняя её. Чай был слишком горячим и обжигал нёбо, поэтому он ставил кружку на подоконник, полагая, что так, содержимое скорее остынет. Чувство голода ещё не пришло к нему после прошлого приёма пищи, поэтому он предпочёл поужинать на час-полтора позже.

Он вернулся в гостиную как раз в тот самый момент, когда в его дверь постучались.

На пороге стоял пожилой мужчина, плотного телосложения, несколько уступающий Льву в росте. Поверх его одежды был наброшен плотный плащ из коричневой ткани, напоминавшей брезент, такие плащи носили когда-то работники портов в период ненастной погоды.

Капюшон плаща был откинут назад и Лев мог видеть лицо мужчины.

Это было покрытое сетью морщин лицо, очевидно, мужчина старательно избавлялся от растительности на подбородке, позволяя только усам нависать над его верхней губой. Цвет усов, как и волос мужчины, был седым. У мужчины были тёмные глаза, посаженные в широкие глазницы. Стоя на пороге дома, незнакомец явно смущался, это можно было заметить по тому, как он сжимал одну свою руку в другой, в то время, как его взгляд всё время норовил соскользнуть с собеседника куда-то в сторону.

– Добрый вечер, – мужчина начал с приветствия – мне неловко вас беспокоить, но больше мне не к кому обратиться. Вы единственный мой сосед.

– Что случилось? – сразу же спросил Лев, забыв о приветствии, делая шаг в сторону и позволяя мужчине войти в прихожую.

Мужчина оказался в прихожей, при тусклом свете лампы его седые волосы поблёскивали, отливая серебряным оттенком.

– Мне крайне неудобно вас утруждать, но просто в данный момент мои сыновья все в городе и в ближайшие несколько дней они не смогут приехать, а действовать нужно уже сейчас, понимаете?

– Я не совсем понимаю, что вы от меня хотите. – крайне сдержано и не выходя за рамки приличия ответил Лев – Объясните наконец, что случилось и как я могу вам помочь!

Старик вновь замаялся, затем откашлялся, но Льву было ясно, что всё это было лишь прелюдией к тому, чтобы, наконец, изложить суть дела.

– Ну вы же человек приезжий, не из наших мест, – старик начал издали – вам это всё может показаться странным, однако вам не стоит беспокоиться, вас это мало касается. В общем, меня зовут Рожер, знаю, странное для этих мест имя, но так уже сложилось. Я живу в доме в двух километрах на запад от вашего, недалеко от Балтийской косы. Я уже какое-то время один живу, после того как жена моя богу душу отдала, но у нас ещё остался наш частный питомник, при доме. Понимаете?

Лев только пожал плечами.

– Ну это было наше маленькое предприятие, семейный бизнес. Мы выращивали породистых собак, стаффордширских терьеров. Спрос на щенков всё время был, приезжали со всей области.

Лев понял, что банальное объяснение старика угрожало перерасти в долгую историю, поэтому он решил немного пренебречь вежливостью и скорректировать вольный поток мыслей своего гостя.

– Ну понятно, вы заводчики, стало быть. – констатировал Лев – А что сейчас случилось? Что за помощь вам нужна?

Мужчина, уставился на собеседника с раскрытым ртом, затем вытер ладонью лицо и проговорил так, как если бы он сам стеснялся того, о чём рассказывал.

– Все умерли. – ответил старик, потупив взор.

– Что? – только и спросил Лев, но видя, что старик не очень-то спешил с объяснениями, ему пришлось поднажать на собеседника – Кто умер?

– Собаки мои! – резко вскинув голову, неожиданно громко и резко выпалил старик.

Лев обомлел, гадая, верно ли он всё понял, а так как Рожер вновь принялся играть в молчанку, ему пришлось уточнять:

– То есть у вас вдруг, вот так ни с того ни с сего, умерли все собаки?

Старик кивнул, утирая нос.

– Не болели ничем, кормлены как всегда, у меня с этим делом всё серьёзно – режим. А тут вечером глядь в вольеры, они все пластом лежат.

Лев, при иных обстоятельствах, находясь на месте наблюдателя этого нелепого разговора, сам бы счёл свой следующий вопрос верхом глупости.

– А может они просто заснули?

Старик Рожер уставился на мужчину, затем ответил:

– Да нет, молодой человек. Я ведь не первый год этим занимаюсь, да и отличить мёртвое животное от спящего – дело не хитрое.

Старик, очевидно, сам пытался вернуться мыслями в тот момент, когда обнаружил то, о чём говорил. Таким образом, он, должно быть, пытался убедиться в правоте своих суждений. Это могло означать только то, что нелепый вопрос мужчины посеял в нём сомнения.

– У меня там двенадцать голов. – добавил Рожер – И они все, разом, умерли, понимаете?

Лев не знал, что ответить и как отреагировать на этот вопрос. Судя по интонации старика, вопрос этот не был риторическим, и Лев, разумеется, понял ту не сложную суть происшествия, о которой рассказал Рожер. Однако в уме у него не укладывалось, как это было возможно, чтобы двенадцать здоровых животных разом умерли, не проявляя перед этим никаких признаков болезни. Здесь, логический ход мыслей, приводил к одному из двух возможных объяснений. Или старик попросту не замечал, что уже какое-то время среди животных начала распространяться болезнь, или имело место отравление. Первый вариант нуждался в объяснении того, оставался ли старый Рожер до сих пор в здравом уме. Второй вариант требовал анализа событий в жизни старика, не было ли у него конфликтов с кем либо, возможно на почве всё тех же собак. Насколько Лев знал, там где он жил, среди крупных заводчиков существовала ожесточённая конкуренция.

– Ладно, я вас понял. – ответил Лев, переводя дыхание – Вы с ног сбились, могу я вам предложить чашку кофе или чая?

Рожер вновь уставился на молодого человека так, как если бы тот предложил ему что-то настолько нелепое, что старик сразу не нашёл что ответить.

– Так как же чай то пить? – пробормотал Рожер – Надо скорей ко мне назад воротиться с собаками вопрос решать.

– Ну-ну, – Лев сделал жест, призывавший старика успокоиться – Спешить теперь некуда, а вы вон с ног валитесь и продрогли весь...

На этот раз Рожер не стал утруждать себя поиском подходящих слов.

– Молодой человек! – сказал старик. Повысив голос – Вы не понимаете о чём говорите! Я вас не виню, вы человек не местный. Но я вас спрашиваю в последний раз, вы мне поможете? Если нет, то я побегу дальше, следующий дом через четыре километра.

– Так как же я могу вам помочь, Рожер? – возмутился Лев, так как ему совершенно не нравилось, что старик вдруг позволил себе разговор в таком тоне.

– Да мне просто нужна лишняя пара рук, и человек с водительскими правами. – отвечал Рожер – У меня пикап есть, но прав меня лишили, ещё больше чем половину года водить не смогу. Нужно помочь собак скидать в кузов и вывести к погосту.

– К погосту? – удивился Лев, осознавая, что под этим термином подразумевается кладбище – Так вы что же, собрались их на кладбище хоронить?

Старик Рожер едва не сплюнул на пол от раздражительности, он сперва отвёл взгляд в сторону от собеседника и покачал головой, давая тому понять, что он был раздосадован его «непроходимой тупостью», затем старик вновь посмотрел на Льва и приставив указательный палец правой руки в своему виску, Рожер несколько раз прокрутил пальцем в жесте, понятном повсеместно.

Раздражительность Льва возрастала, он начал подумывать, почему бы ему не выгнать невоспитанного старика и забыть про всю эту историю. Вполне вероятно, что он бы так и сделал, возможно только в более деликатной манере, если бы старик Рожер сам не развернулся и не направился к входной двери.

Лев смотрел старику вслед, пока тот не дошёл до порога, остановился слегка обернувшись к мужчине и проговорил:

– Ладно. Сам постараюсь разобраться. Но если не получится, то жизнь у вас заметно усложнится.

Старик уже открывал дверь, когда потерявший на миг самообладание Лев подскочил к нему и одним движением развернул к себе лицом. Глаза мужчины полыхали.

– Та теперь угрожать мне вздумал! – прогремел голос Льва, так что Рожер прикрыл глаза от страха – А может я прямо сейчас полицию вызову и скажу, что умалишённый сосед явился ко мне домой и угрожает.

Видя, что Рожер растерялся, Лев сбавил обороты, выдохнул и уже своим, прежним, спокойным голосом добавил:

– Одинокий, не молодой мужчина, живущий один в своём доме, разводит собак бойцовой породы в большом количестве, и проявляет признаки параноидального бреда. Полиция сочтёт тебя социально-опасным, и помимо принудительного обследования у психиатра, тебя заставят избавиться от твоего бизнеса. И да, горе тебе, если окажется, что ты заводчик без лицензии.

На старика вся эта речь произвела глубокое впечатление, он явно был напуган перспективами, которые ему описал Лев. Поэтому, уже пожалев, что перешагнул порог этого дома, он робко проговорил своим хрипловатым голосом:

– Не надо никому сообщать. Я прошу прощение, что побеспокоил вас. Я никому не угрожаю. Просто теперь, я всё постараюсь сделать сам.

Закончив на полуслове, старик попятился. Пересекая порог входной двери, оказавшись на крыльце дома. Затем он развернулся и с опущенными плечами побрёл в том направлении, откуда пришёл.

Сам не понимая, какому принципу повинуюсь, Лев окликнул Рожера:

– погоди ты! – старик остановился не сразу, и мужчине потребовалось ещё несколько раз окликнуть его – Хорошо, я постараюсь тебе помочь. Мне нужно несколько минут, чтобы одеться...

На лице Рожера не проявилось никакой эмоции, он ответил:

– Я не хочу никого утруждать, это было ошибкой...

– Да прекрати ты уже! – перебил его Лев – Я сказал, что помогу тебе, значит помогу.

Старик молчал какое-то время, затем кивнул, соглашаясь:

– Встретимся у моего дома через сорок минут. Я позвоню зрителю и предупрежу о нашем прибытии.

Лев ничего не ответил, кивнув несколько раз, он удалился обратно в дом, принявшись собираться.

Спустя полчаса Лев уже приближался к дому старика Рожера. Это был значительно большего размера дом, чем тот, в котором теперь проживал он сам. Дом старика был двухэтажным, делился на два крыла и к нему были сделаны три пристройки. Одна была гаражом, назначение второй было бы не вполне ясным, если бы только не вся эта история с разведением собак. Лев сделал вывод, что семья Рожера весьма щепетильно относились к своему бизнесу. Пристройка, в которой судя по всему содержались собаки, была крупной, высокой, снабжённой кондиционерами. Приблизившись к самому дому, Лев увидел, что из пристройки был отдельный выход в пространство, окружённое высоким забором из металлической сетки.

– Вольер для выгула. – заключил Лев.

На пороге дома появился старик. Он был одет всё в ту-же одежду, только теперь он избавился от своего плаща. Это могло означать, что работа предстояла не малая.

Сам Лев оделся в единственный имевшийся у него рабочий костюм, который ему когда-то подарили. Это был костюм для охоты в весенне-летний период, поэтому он не мог должным образом защищать от низких температур. Зато плотный материал и водоотталкивающая пропитка превосходно спасали от дождей. Ночью температура воздуха опускалась, и вместе с ветром, становилось ощутимо холодно.

– О, вы так быстро добрались. – захрипел старик, подходя к мужчине – Спасибо вам большое, я вас век не забуду...

Лев сделал жест, призывавший старика отложить в сторону излишние благодарности. Мужчине хотелось поскорее помочь старику с его бедой и вернуться домой. Однако, Рожер и здесь ко всему подходил обстоятельно.

– Я уже предупредил зрителя погоста, что мы приедем. Автомобиль разогрет и готов, но надо сперва загрузить кузов.

Лев посмотрел на старика и спросил:

– Загрузить – дело не долгое. Дугой вопрос, кто будет копать?

Рожер уставился на мужчину тем самым взглядом полного недоумения, которые начинал Льву надоедать.

– Ну когда мы на кладбище приедем, – пояснял молодой человек ход своих мыслей – когда привезём твоих собак, их же нужно похоронить. Закапать это одно, а вот могилу вырыть – совсем другое дело.

Старик покачал головой.

– Вы не понимаете о чём говорите, да? Ну это понятно, вы человек приезжий...

Лев считал, что он прекрасно понимал, что происходило. Как ему казалось, ситуация заключалась в том, что Рожер вёл свою деятельность, как заводчик, без нужных на то лицензий и разрешений. Теперь, когда его псы разом пали, вставал вопрос о том, не имело ли место нарушение регламента содержания животных. Вполне могло быть, что старик сэкономил на какой-то мере, и теперь опасался, что если про падёж его животных узнают, то его будут ждать крупные неприятности.

Так как его сыновья далеко, он решил просить единственно-подходящего пособника в своей работе – приезжего несколько дней назад мужчину. Лев не знал никого из местных и не имел никакой материальной заинтересованности.

Такое видение ситуации было навеяно Льву его личным опытом в области юриспруденции, в той её форме, в которой она предстаёт в реальности, за пределами книжных страниц учебников по теории государства и права, декларирующих верховенство закона и равенство всякого перед его лицом.

Старик, очевидно, понимал, что как только о случившемся с его питомником узнают его конкуренты, они приложат все усилия, чтобы Рожер уже не смог вернуться на этот рынок.

Однако, размышляя своими собственными шаблонами, Лев до сих пор не мог учитывать культурных критериев, а они имели большое значение.

– Прежде чем мы войдём в питомник, я хочу кое что прояснить. – сказал Рожер – Я своих собак знаю, теперь уже знал, очень хорошо. Я кормлю их по режиму, только сертифицированными кормами. Я провожу абсолютно все вакцинации, документы у меня в полном порядке. В том, что случилось, повинен я, но косвенно, мне важно, чтобы ты знал это, помогая мне.

Лев предпочёл ничего не говорить, только кивнуть в ответ, позволяя старику чувствовать себя эмоционально более комфортно.

– Впервые это началось ещё когда была жива Анна.

– Постой, – перебил старика Лев – то есть подобное уже случалось раньше?

Старик ответил мужчине тяжёлым взглядом, затем покачал головой, давая понять, что тому не стоит спешить с выводами.

– Мы занимаемся разведением породистых собак уже больше десяти лет. Это приносит не плохой доход, если подходить к этому грамотно. Наши животные занимали места на престижных выставках, и наш питомник заслужил хорошую репутацию в стране и в восточной Европе. Всё шло очень хорошо, до какой-то поры. Тебе будет трудно поверить в это, да я и не прошу, просто хочу, чтобы всё у нас было начистоту.

Старик шёл впереди, Лев следовал за ним. Ещё на подходе к питомнику мужчина заметил, что Рожер нёс в руке, помимо верёвок, газовую лампу.

Прежде чем войти внутрь, старик обернулся к мужчине и предупредил:

– Извини, но включить свет не получится. Будем довольствоваться лампой. Это вынужденная мера.

Затем, Рожер вынул из кармана своей куртки два налобных фонаря на светодиодах, один из которых он протянул мужчине.

Не задавая лишних вопросов, Лев принял прибор и разместил его у себя на голове.

Войдя в помещение, в нос ударил запах животных. Трудно было описать каждый компонент этого специфического аромата, однако, Лев понимал это на интуитивном уровне, это была комбинация пота, мочи, собачьего корма и чего-то ещё. Вольеры, в которых содержались собаки были чистыми, да и вокруг всё было в полном порядке, так что старик не преувеличивал, когда говорил, что к своему питомнику он относился серьёзно.

Рожер включил сперва газовую лампу, и пройдя до одной из горизонтальных балок, закрепил источник света на ней. За тем, он дал сигнал Льву, чтобы тот включал свой налобный фонарь, старик поступил точно также.

Лев принялся вращать головой из стороны в сторону, направляя лучи искусственного света в вольеры. Со своего расстояния он тут же заметил, что в каждом из вольеров, на застеленном соломой полу, лежало животное. Это были стаффордширские терьеры, все одного окраса, белые с кофейными пятнами.

В жизни Лев неоднократно встречал самые различные породы собак во время своих пробежек по паркам. И хотя он абсолютно не боялся собак, стаффордширские терьеры относились к той категории животных, которые одним своим видом вызывали у него трепет. Причин было две. Прежде всего, физиологическое строение этих животных наделяло их угрожающим, агрессивным обликом, мало походившим на облик других собак. Чрезмерно развитая мускулатура проступала под гладкошерстной шкурой, а челюсть, в любом своём положении, выглядела как оскал. К тому же, из всех случаев нападений бойцовских собак на своих хозяев, чаще всего подобные инциденты происходили именно с этой породой.

Теперь же, эти грозные животные выглядели совершенно иначе. Они лежали неподвижно, у них отсутствовало дыхание. Свернувшись в самых различных позах, в которых животные встречали смерть, их мускулатура как-то утратила свой внушительный вид.

– Не направляй свет на трупы! – чуть ли не скомандовал Рожер, оказавшись рядом с мужчиной и ладонью накрывший фонарь у него на лбу – Вот, я сделаю, как надо...

С этими словами, старик наклонил светодиодный фонарь на кронштейне таким образом, чтобы свет падал прямо перед мужчиной, освещая некоторое пространство непосредственно перед ним.

– Свет нужен, чтобы под ноги смотреть. – пояснил Рожер, но не на трупы.

Сказав это, он двинулся к большим воротам, в противоположной стене пристройки. Очевидно, старик намеривался подогнуть сюда свой пикап.

– У нас здесь, на побережье пять домов стоят, вместе с тем, где ты теперь живёшь. – попутно говорил Рожер – Все дома старые, построенные ещё местным населением в довоенную эпоху. Но по сути, во второй половине пятидесятых, когда даже прибалты поняли, что оставаться здесь под властью советов было бессмысленно, почти все они оставили Калининградскую область. Осталось очень мало местных, как правило только те, которых с этими местами связывало что-то такое, что не позволило им уйти. Так вот в одном из домов на побережье до сих пор живут люди, потомки тех самых «местных», которые не ушли. У них если и есть фамилия, то мы бы всё равно вряд ли выговорили бы её. Кроме того, по некоторым причинам, эти люди уже очень много лет живут в опале. С соседями у них как не заладилось, так и тянется вражда. Честно говоря, уже никто и причин не помнит, с чего всё началось. Люди они тихие, скрытные, нигде почти что не появляются, а вот как привязалась к ним дурная слава, так и всё, с концом.

Рожер отворил сперва одну створу ворот, затем вторую, внутри пристройки стало заметно светлей.

– Семья у них совсем не большая. Мужик с бабой, и дочь. Ну дочь примерно твоего возраста, уже давно с ними не живёт, уехала в город после школы. Теперь лишь иногда показывается, раз в несколько месяцев. Так вот, ещё когда моя Анна жива была, довелось ей столкнуться с тем семейством. Анна у меня была баба не глупая, но верила во всякую чушь. Относилась к той семье с большим подозрением. Несколько раз со мной говорила на эту тему. Я никогда не верил во всякие байки, мало того что дочь того семейства ещё в школе травили, так того больше, вся округа говорила про какую-то ерунду. Семья та, как я уже сказал, состояла из мужа, звать его Юстус, его супруги Астрид и дочери, если я не ошибаюсь, её зовут Лиза. Моя жена говорила, что помимо трёпа разного, кое-что с этой семьёй было действительно непонятно. Например, никто, даже старики, которые в Янтарном с пятидесятых годов живут, не припомнят, кем были родители Юстуса и Астрид. Те женщины, которым нынче уже восьмой десяток пошёл, утверждают, что когда они приехали в Янтарное, по программе заселения, то Юстус и Астрид уже жили в том своём доме, и что у них уже дети были. Но, дети подрастали, и уезжали куда-то, их больше никто не видел, а вот Юстус и Астрид оставались со своим домом. Затем у них вновь дети появлялись. Поначалу думали, что это им внуков привозили, а потом оказывалось, что нет, это были их собственные дети. Анна у меня всю жизнь проработала редактором в газете областной. При советах журналистики никакой не было, но специалисты были охочи до расследований и того, что требовал их профессиональный инстинкт. Вот она и взялась за этот вопрос. Она никому ничего не рассказывала, только со мной делилась, но я, надо признаться, отмахивался от всего этого. Вскоре, Анна заявила, что собрала материал на эту семью. Получалось так, что Юстус и Астрид, будучи коренными жителями региона, в пятидесятых официально получили гражданство, и новые документы. Когда моя супруга всё это раскапывала, это была вторая половина восьмидесятых, мужу было сорок восемь лет, а супруге его сорок пять. И вот тут моя Анна как с цепи сорвалась. Она без конца твердила мне, что этого быть не может, что эту пару знали те люди, которым тогда уже было за семьдесят. Я как мог пытался Анну успокоить, но не тут то было. Она пыталась разобраться в ситуации с детьми. Действительно, у пары периодически рождались дети, по одному ребёнку, всегда дочери. Росли они как все другие дети, посещали школу в Янтарном, потом уезжали из региона, и больше о них ничего не было слышно. Всё это не давало моей жене покоя. Дошло до того, что она

вознамерилась собрать свои данные и идти к порогу их дома, требуя объяснений. Слава богу я тогда её остановил. У нас тогда свои житейские проблемы обострялись, и вскоре пыл Анны поутих. Благодаря нашим сыновьям и переполоху, который они нам устраивали, вскоре Анна убрала свои «свидетельства» в дальний ящик. Но она продолжала считать, что что-то с этой семьёй было не в порядке. Я же предпочитал думать, что люди те, просто по своему характеру сильно отличались от наших, чем и были вызваны столькие разногласия. Да, ходили всякие слухи связанные и с их дочерью, но я никогда этому не придавал значения, пока однажды Анна, выгуливая наших собак, она обыкновенно выгуливала по три псины за раз, не столкнулась с той самой Лизой. У девочки были какие-то проблемы в школе и её перевели на домашнее обучение, она стала на много чаще появляться в округе. Анна сперва, даже не узнала её. Девчонке на тот момент было лет шестнадцать уже. Она похорошела, пользовалась косметикой, и со стороны вообще ничем не отличалась от своих ровесниц. Только вот её невозможно было встретить в шумных компаниях малолеток в посёлке, она всё время одна была, ну или с какой-то своей подругой, тоже из местных. В общем, в тот день, Анна сама того не ожидала, что в бору, где она собак наших выгуливала, в утренние часы будет кто-то ещё. Она доводила собак до леса, там осматривалась, и если действительно никого вокруг не было, то спускала псин с поводков. Животные у нас все были после элементарной дрессуры. Ничего особенного, но простые команды выполняли беспрекословно, это очень важно в воспитании таких собак. Анне достаточно было отдать команду, и наши питомцы замирали на месте, ждали, пока их вновь возьмут на привязь. Тем утром, одна из наших сук, резвилась на в лесу, гонялась за мышами, за птицами, в общем всё, что собаки любят. Вдруг, Анна мне это потом не единожды рассказывала, собака исчезла. Жена забеспокоилась и стала её звать, но безрезультатно. Затем она услышала редкий лай, перемежающийся с рычанием, громким, агрессивным, это было дурным знаком. Жена кинулась на звук, она боялась, что собака напала на кого-то, хотя это казалось тогда немыслимым. Анне потребовалось какое-то время, она оббежала несколько поворотов, прогулочная тропа петляла. Наконец она выбежала на небольшое открытое пространство, это было расширение в просеке, засыпанное уже пожелтевшими листьями, и обомлела. Она увидела, ту самую Лизу, девчонка стояла как ни в чём не бывало, руки опущены, она умиляясь смотрела на нашу собаку, которая оставалась в нескольких метрах от неё, ожесточённо скалясь, занимая позицию для атаки в прыжке.

Анна, естественно, закричала, стала звать назад собаку, командовать ей сидеть, но та словно позабыла про всё на свете. Обнажённые в оскале зубы угрожающе клацали, из пасти выделялась пенистая слюна. Когда остальные две псины подросли, они присоединились к суке, стали вести себя также, едва уступая в своём остервенении. Анна тогда перепугалась так, как никогда в жизни, она понимала, что и одной собаки было достаточно, чтобы в случае нападения девчонка получила бы страшнейшие ранения, но теперь, если бы напали все три, то шансов не оставалось вовсе. И вот пока моя жена, срывая голос, орала на собак, пытаясь их оттащить за ошейники, та Лиза любовалась на нашу суку, как ребёнок умиляется играющему с клубком нитей котёнку. Она совершенно не боялась ни одной из собак. Более того, некоторое время она не обращала внимание на Анну и её попытки урезонить псин. Несколько раз эта Лиза сказала, что всё мол нормально, не стоит волноваться. Но Анна была вне себя, она готова была разрыдаться от собственного бессилия в данной ситуации. Наконец, Лиза сама сделала два широких шага, сокращая расстояние, отделявшее её от собаки. Сука, не переставая скалиться, сделала пару коротких шажков назад, словно обороняясь. Только потом моя жена поняла, что наши псины не пытались нападать на девчонку, напротив, демонстрируя свою агрессию, они пытались от неё обороняться. Лиза немного наклонилась вперёд и без всякой опаски положила ладонь на морду скалившейся собаке. В этот момент эта сцена казалась чудовищным оксимороном. Обрамлённая страшными зубами, собранная в складки вздыбленной от злости шкуры голова собаки оказалась накрытой изящной, беленькой ручкой, с тонким запястьем. Казалось,

собаке было бы достаточно сжать челюсти один единственный раз, чтобы изящная кисть навсегда отделилась от тонкого предплечья. Но этого не произошло. Под ладонью девчонки, собака постепенно утратила весь свой запал, опустив уши, животное прекратило рычать, спрятало зубы и жалобно заскулив, повалилось на брюхо. Лиза принялась нежно гладить собаку, изредка что-то говоря, что обычно говорят люди, заслужившие доверие животного. Анна едва сознание не потеряла. Она рассказывала, что наблюдая за всем этим, ей сделалось плохо, она ощутила слабость, словно была готова заснуть на том же самом месте, где стояла. Затем, Лиза прекратила гладить собаку, встала и сказала моей жене, что у нас очень хорошие собаки. Девчонка пожелала Анне хорошего дня и преспокойненько пошла по прогулочной тропинке в противоположном направлении. Анне потребовалось ещё какое-то время, чтобы прийти в себя. Как только ей это удалось, она поспешила обратно, взяв всех собак на привязь и поклялась себе, что отныне она никогда не отпустить их без намордников. Мне она рассказала об этом случае сразу же, как представилась такая возможность. Я пытался её успокоить, но для неё случившееся стало серьёзным шоком. Она действительно купила намордники, стала дополнительно заниматься дрессурой с каждой из собак. Анна отныне не выводила на выгул собак, до тех пор, пока опытным путём не удостоверилась, что они выполняли все её команды. Всё это начинало напоминать признаки посттравматической паранойи, но продолжалось так не долго. Спустя три недели, после этого инцидента, наступала уже весна, Анна в очередной раз пошла к вольерам, чтобы проверить наличие воды в поилках и прочее, когда обнаружила, что наша сука была мертва. Псиная лежала в своём вольере, свернувшись калачиком. Анна была так поражена и напугана, что сама того не понимая, вошла в вольер и принялась проверять труп животного. Разумеется, ветеринарные познания моей жены не позволяли делать какие либо экспертные заключения, но она много времени уделяла изучению анатомии и физиологии собак, особенностям их заболеваемости и смертности. Анна заявила, что не было не единого признака болезни, которая могла бы свести псину в могилу. Я, тем не менее, настоял на ветеринарной инспекции. Проверка была назначена двумя днями позже, до того момента труп пса мы хранили в зимнике. До прибытия экспертов, ещё четыре псины умерло. Ни одно животное не выказывало никаких симптомов неизвестного недуга. Анна просто находила мёртвых животных в их вольерах. Для неё наступило тяжёлое время, она практически перестала есть, худела на глазах, да и сон к ней не шёл. Все её мысли и волнения отныне были посвящены животным, которые продолжали умирать. Когда эксперты наконец прибыли, у нас уже полным ходом шёл падёж животных. Проведённые анализы не показали никаких изменений. Не было выявлено ни одного признака болезни, изменений внутренних органов, ничего, что могло бы объяснить причину внезапной смертности. У Анны опустились руки, она могла только смотреть, как животные умирали. Эксперты дали нам только одну единственную рекомендацию. Они рекомендовали нам поскорее избавиться от трупов, и заказать полную санитарную обработку помещений с вольерами. После этого, нам не следовало заводить новых животных как минимум полгода. Эксперты уехали, Анна окончательно утратила связь с жизнью. Её было не узнать, она похудела, почти не питалась, и стала замыкаться в себе. Я же приступил исполнять рекомендации, и первым делом я решил избавиться от трупов. Всего у нас умерло двадцать четыре животных. Ни один погост в области не принял бы такое количество под захоронение. К тому же, многие уже знали, что смертность наших собак была связана с чем-то таким, что не поддавалось рациональному, научному объяснению. Я сумел договориться с одним человеком на местном погосте, который вызвался за скромное вознаграждение помочь мне. Трупы мы решил сжигать в специальной, подаренной областными властями, мусоросжигательной печи. Разумеется, при таком количестве трупов, за один раз избавиться от всех трупов я не мог. Мне потребовалось три дня. Три дня я загружал свой пикап собачьими трупами и вёз их на погост, где мы сжигали туши одну за другой. Запах горелой плоти впивывался в мою память, в мои чувства, что уж говорить о моей одежде. На третий день, когда я загружал кузов автомобиля, чтобы отправиться в последний

рейс, я столкнулся с тем, что затем не давало мне покоя ещё очень долгое время. Дело в том, что после смерти двадцати четырёх животных, вывозил на погост я только двадцать три трупа. Когда тот день завершился, чтобы найти в себе силы, глядя на мучения Анны, чтобы уснуть, я заставил себя поверить, что где-то я обсчитался. Затем усугубились проблемы с женой. Анна окончательно перестала есть, и в одно утро уже не встал с постели. Она лежала в своей кровати и смотрела в потолок, даже не реагируя на меня и моё присутствие. Врачи приезжали на дом, ничего конкретного не сказали. Позже я сам возил Анну в город, в центральную клинику на обследования, все те клиницисты, что с ней работали, пришли к выводу, что её состояние носит выраженную психогенную природу и что теперь только психиатры смогли бы нам помочь.

Рожер осторожно въехал под своды пристройки на своём пикапе. Пока старик выполнял этот не хитрый манёвр, Лев оставался в темноте, окружённый облаком искусственного света. Он думал о том, что рассказывал ему Рожер, мужчине вовсе не хотелось верить в ту часть истории старика, которая касалась непонятной семьи и их дочерей. Ещё более отвратительным казалось Льву призрачная причинно-следственная связь, которую суеверный рассудок местного населения устанавливал между гибелью собак и таинственной девчонкой по имени Лиза. Всё это напоминала сильно запущенную ксенофобию, облачённую в не менее уродливые вуали мистицизма.

Рожер остановился, вылез из кабины и раскрыл заднюю створу кузова пикапа. Затем, уже не произнося ни слова, он передал Льву пару плотных, прорезиненных перчаток и респиратор.

Мужчина принял предложенные средства защиты, и спустя минуту, работа началась. Сперва Рожер пошёл с мужчиной в один из вольеров, очевидно желая убедиться, что Лев сможет преодолеть ожидаемую брезгливость. Но к своему удивлению, старик обнаружил, что мужчина не испытывал никаких проблем с тем, чтобы ухватывать труп собаки за задние лапы и тащить к пикапу. Уже работая со вторым трупом, Лев позволил себе отпустить скабрёзную шутку о том, что в данной ситуации наиболее значимым достоинством стаффордширских терьеров, как породы, является не большая длина их тела и конечностей. Рожер не разделил иронии.

Лев отметил, что в действительности, трупы собак выглядели очень хорошо. На них не было никаких признаков ни болезни, ни повреждений. Они были чистыми, и всё это свидетельствовало о том, что Рожер хорошо ухаживал за животными. Работа продолжалась не очень долго. Спустя примерно пятнадцать минут, все трупы были загружены в кузов. Однако старик, вместо того, чтобы тут же закрыть створу, запрыгнул внутрь, оказавшись подле сложенных вповалку животных, и начал делать то, чего Лев никак не ожидал, даже после всего того, что ему рассказал Рожер.

Старик взял в руки первый, длинный маток верёвки и принялся связывать трупы между собой. Лев застыл на месте, он смотрел на происходящее, потеряв дар речи. Если бы не респиратор, который он забыл снять, то старик мог бы увидеть глубочайшую степень удивления на лице молодого человека. И хотя Лев так и не озвучил своего вопроса, Рожер, даже не глядя на него, понимал, что происходящее выглядело до чудовищной степени карикатурно.

– Поверь мне, – прохрипел Рожер, не останавливаясь в своей работе, взяв уже второй маток верёвки – у всего есть свой смысл. За зря ничего не делается.

Лев предпочёл промолчать. Он отошёл к кабине, снял респиратор и перчатки, аккуратно сложив их в выемку на панели, напротив пассажирского места. Вскоре Рожер уже выехал из пристройки и не заглушив двигатель, покинул кабину. Он закрыл створы ворот, ведущих к вольерам и сел в пассажирское сиденье, позволив Льву оказаться за рулём пикапа.

– Как далеко до вашего погоста? – спросил Лев, стараясь говорить так, чтобы его голос не выдавал его настроения.

– Да не далеко. – отвечал старик – Всего километров семнадцать будет, разве что нынче ночь, разумнее двигаться не так быстро.

– Боишься за пассажиров? – спросил Лев, глядя на Рожера, позволяя старику понять, что в этом вопросе ирония слилась с чёрным юмором.

– А если и боюсь? – столь же иронично попытался ответить Рожер – Ты меня считаешь свихнувшимся стариком, можешь даже не прикидываться. Я бы на твоём месте к такому же выводу пришёл.

Лев ничего не ответил.

– Отдавать свою Анну в руки промывателей мозгов я не хотел. Это было бы предательством. Я решил, что если ничего уже нельзя было сделать, то пусть лучше она доживает свои дни под крышей родного дома. Я как мог ухаживал за ней, к тому же, мы тогда впервые остались без собак, и у меня высвободилось много свободного времени. Наши сыновья приехали из города. Они слёз сдержать не могли у постели матери. Старший требовал от меня рассказать ему всё, что произошло с Анной, он полагал, что было нечто такое, о чём я умалчивал. И знаешь, он был прав.

Дорога, освещаемая фарами пикапа Рожера делала поворот на лево, начиная подниматься в гору.

– Когда он меня расспрашивал, а я убеждал его, что ничего подобного не имело место, перед моими глазами стояла та история, тот инцидент в лесу, когда Анна столкнулась с той Лизой.

– Ты не хотел, чтобы твой сын по горячности наломал дров. – спокойно констатировал Лев.

Рожер посмотрел на него и кивнул.

– Именно. Я знал, что в данный момент, насмотревшись на страдания матери, он помчится к порогу Юстуса и Астрид. И знаешь, я вряд ли смогу определиться до конца, чего я больше опасался, того, что он причинит им или их дочери, или того, что они причинят ему.

Лев не смог сдержаться и фыркнул, подчёркивая своё отношение к такой точке зрения.

Немой вопрос во взгляде старика заставил мужчину пояснить свою реакцию.

– Ты ведь должен понимать, что суеверия, которыми ваши местные обложили эту семью, только провоцируют лишние проблемы.

Рожер кивнул, соглашаясь с доводом мужчины.

– Когда сыновья уехали, я твёрдо решил, что сам отправлюсь к их дому и буду разговаривать с ними. Я не собирался ни угрожать, ни требовать. Моей целью было просто прояснить ситуацию. Беда помутила мой рассудок, да и утопающий, как известно, хватается за соломинку. Я намеривался просить их, если они были в силах, спасти мою Анну.

– И что, – спросил Лев, когда от Рожера не последовало продолжения – ваша беседа была содержательной?

Старик покачал головой, не глядя на собеседника. Дорога вновь пошла под горку, и оставив асфальтовое покрытие позади, сделалась грунтовой и полной ухабин. Лев чувствовал себя не вполне уверенным, управляя пикапом. Транспорт такого рода он никогда раньше не водил. Двигатель у этого автомобиля был значительно сильнее, чем двигатели всех тех легковушек, которыми пользовался Лев, живя в города. Теперь же, молодой человек понял, что помимо мощности двигателя не малое значение играла и динамика, и воэ это качество сильно страдало у пикапа.

Рожер, меж тем, словно не замечая, с каким сосредоточением Лев управлял пикапом, продолжал рассказывать:

– Я стучался в их дверь. Ждал на пороге. Никто не открыл. Их старинный дом выглядел таким забытым. Как если бы он был заброшен, но таковым он не был, в противном случае его окна были бы разбиты. Вандалы не оставляют шансов оставленному без надзора имуществу. Я не смог никого найти, и посчитав, что Юстус и Астрид попросту отсутствовали, я уже двинулся в обратный путь, как откуда-то из клубов утреннего тумана появилась Лиза. Она просто

прогуливалась где-то вдоль берега. Она первая увидела меня и поспешила подойти. До того дня я ни разу не разговаривал с девушкой.

Немного помолчав, словно взвешивая свои слова, Рожер добавил:

– Да, именно! Она была уже девушкой, не просто девчонкой, в конце концов. Мы поздоровались, и с необычайной лёгкостью между нами завязался разговор. Это была беседа двух, совершенно нормальных людей, как если бы я встретил своего близкого соседа на улице. Лизе понадобилось услышать от меня всего несколько слов, прежде чем она сама вспомнила об инциденте в лесу. Она рассказала мне, что там произошло, но на этот раз я услышал историю с её слов. Главным образом Лиза рассказала, что собака подбежала к ней и принялась угрожающе рычать. Затем появилась моя жена с остальными псынами, которые все как один стали рычать на Лизу. Но девушка призналась, что не была напугана, и причиной тому было её собственное знание. Она сказала, что знала, что собаки не причинят ей вреда. Она также призналась, что не держит никакой обиды за тот случай, и вообще, почти-что забыло о нём.

Рожер перевёл дыхание. Дорога теперь шла между рядами деревьев, с обеих сторон простирался довольно густой лес. Пространство там, под сводами деревьев, становилось непроницаемым для человеческого взора, а фары пикапа выхватывали определённую область пространства перед капотом, очень ограниченного пространства, не более чем на четыре метра вперёд. Это обстоятельство вынудило Льва снизить скорость.

– Что особенно поразило меня тогда, во время нашего разговора, так это то, что Лиза ни с того, ни с сего, попросила меня, чтобы я по возвращению домой, извинился от её собственного имени пред Анной. На тот момент я даже не рассказал девчонке о том, что случилось с моей женой. Я уже не мог пасть так низко, чтобы взмолиться перед девчонкой о помощи. Она вела себя так нормально, так естественно, я лишний раз убедился, что это совершенно обыкновенный человек, вокруг которого скопилось слишком много дурных слухов. Я прибыл обратно к себе, чтобы обнаружить то, чего в жизни мне забыть уже не удастся. Анны не было в постели, её не было даже в её комнате. Всё то время, что я провёл в пути, не больше одного часа, лил дождь. Трудно было представить, что моя супруга, лежавшая до этого практически без сил, вдруг встала и вышла из дома под проливной дождь. Кроме того, все её вещи были на месте, включая и обувь. Я обыскал весь дом, у меня началась паника. Что делать я не знал, и уж тем более я не мог позвонить сыновьям, они только что уехали, и получив такую новость, они бы места себе не находили. В доме не было никаких следов присутствия посторонних, всё оставалось на своих местах. И лишь непонятный запах, описать который я не в силах и сегодня, висел в воздухе. Внезапно, выйдя во внутренний двор дома, на вспухшей от выпавшей влаги земле я увидел следы. Это были отпечатки босых ног, и по всем признакам я мог судить, что это были следы Анны. Они вели в пристройку. Я буквально побежал в направлении, куда вела цепочка отпечатков босых ног. Дверь в пристройку была не заперта, войдя внутрь я, ведомый следами, дошёл до того места, куда вели следы. Это был вольер в котором обитала та самая собака, со смертью которой начался массовый мор наших животных. Самые отвратительные страхи ожили во мне в тот момент. Я осмотрел вольер, не найдя там ничего. Затем я прошёл в противоположную часть пристройки, и обнаружил, что на земле появлялись новые следы. Это была всё та же вереница следов Анны, но теперь рядом с ней тянулась вторая линия следов – отпечатки собачьих лап. Обе цепочки тянулись к выходу из пристройки. Выйдя наружу, я убедился, что следы продолжались. Наплевав на то, что обо мне могли подумать случайные путнику, я взял свой карабин и продолжил двигаться по следам, уводящим меня всё дальше от дома, в лес. Следы шли по тропе, я не думал, что Анна могла в своём нынешнем виде встретить случайных прохожих, мною овладела совершенно другая загадка, и связана она была, конечно, со следами собаки подле следов Анны. Моё преследование продолжалось какое-то, очень не продолжительное время, прежде чем я заметил, что вокруг стал сгущаться туман. Это было очень необычно, учитывая, что я находился в лесу. Пропали столь естественные щебет

птиц и скрежет стволов деревьев, раскачиваемых ветром. Я не мог понять, было ли то затишье перед бурей, или же это я утрачивал способность слышать звуки. В какой-то момент я почувствовал усталость, руки словно налились свинцом, сделавшись неспособными удерживать карабин. Я решил остановиться ненадолго, сохраняя своё внимание лишь на следах. По мере того, чем глубже уходил я в лес, тем менее отчётливыми становились следы Анны, но вот собачьи следы напротив, словно проявлялись в каждом шаге, оставляя после себя отчётливый отпечаток. Присев, прислонившись спиной к стволу одной из осин, я позволил себе лишь на мгновение поднять взгляд кверху и закрыть глаза. В этот момент, произошло нечто такое, чего я не мог не предвидеть, не выдумать специально. Несмотря на то, что мои веки сомкнулись, я не перестал видеть окружавшее меня пространство. Я всё ещё оставался в лесу, на том же самом месте, только вот всё приобрело непонятный, тёмно-жёлтый, я бы даже сказал янтарный оттенок, как это бывает осенними вечерами. В нескольких метрах от меня стояла Лиза, одетая в незамысловатое платье, начинающееся на её плечах и заканчивающееся у самой земли. Всё платье было одного, чёрного цвета, и полы его, замаранные комьями сырой земли, приобретали непостижимый человеческому восприятию оттенок. Девушка стояла и смотрела на меня, слегка улыбаясь. Затем, когда я набрался сил, чтобы заговорить с ней, она опередила меня, сказав, чтобы я возвращался домой. Я хотел ей возразить, обрисовать свою ситуацию, рассказать о жене, но она не позволила мне сделать этого. Я попросту не смог выдать из себя ни единого звука. Затем, я раскрыл глаза, чтобы обнаружить, что нахожусь в том же самом месте, но куда-то уже исчез туман и необъяснимая слабость. Я встал, перехватил свой карабин и буквально бросился по следам. Я бежал, насколько мне позволяли мои годы и внезапно обретенный запал. Контролируя дыхание, я то и дело уворачивался от неловко нависающих ветвей. Стараясь не терять из виду следов, направлением которых я руководствовался, я не мог не заметить, что в какой-то момент, следы ног Анны полностью исчезли, оставались лишь следы зверя. Но я продолжал свою погоню до тех пор, пока следы не вывели меня к такому месту, где между ветвей я мог увидеть это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.